

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Необходимая оборона как обстоятельство, исключающее преступность деяния»

Обучающийся

А.Н. Павлова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, Л.Н. Кабанова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Аннотация

Актуальность темы исследования обусловлена особой значимостью института необходимой обороны для реализации важнейших прав граждан, а также для борьбы с преступностью. В свою очередь, негативное влияние на эффективность необходимой обороны оказывают сложно реализуемые пределы ее правомерности, которые, по сути, делают данный важнейший правовой институт формальностью.

Целью исследования является осуществление комплексного анализа необходимой обороны, как обстоятельства исключающего преступность деяния.

Задачи исследования можно представить следующим образом:

- рассмотреть историю становления и развития института необходимой обороны в уголовном праве России;
- изучить понятие и сущность необходимой обороны как обстоятельства, исключающего преступность деяния;
- проанализировать правовое регулирование института необходимой обороны в зарубежных странах;
- рассмотреть условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к защите;
- рассмотреть условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к посягательству;
- исследовать особенности отграничения необходимой обороны от иных обстоятельств, исключающих преступность деяния;
- проанализировать проблемы выявления признаков превышения необходимой обороны;
- выявить ошибки квалификации необходимой обороны.

Структура работы представлена введением, тремя главами, подразделенными на восемь параграфов, заключением и списком используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Теоретические и правовые основы необходимой обороны как обстоятельства, исключающего преступность деяния	7
1.1 История становления и развития института необходимой обороны в уголовном праве России	7
1.2 Понятие и сущность необходимой обороны как обстоятельства, исключающего преступность деяния	14
1.3 Правовое регулирование института необходимой обороны в зарубежных странах	20
Глава 2 Условия правомерности необходимой обороны	29
2.1 Условия правомерности, относящиеся к посягательству	29
2.2 Условия правомерности, относящиеся к защите	36
Глава 3 Актуальные вопросы реализации необходимой обороны как обстоятельства, исключающего преступность деяния	45
3.1 Отграничение необходимой обороны от иных обстоятельств, исключающих преступность деяния	45
3.2 Проблемы выявления признаков превышения необходимой обороны	52
3.3 Ошибки квалификации необходимой обороны	57
Заключение	64
Список используемой литературы и используемых источников	71

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена особой значимостью института необходимой обороны в условиях реализации важнейших конституционных прав граждан, а также для борьбы с преступностью. В рамках необходимой обороны осуществляется защита конституционного права на жизнь, на личную неприкосновенность, на неприкосновенность жилища. Безусловно, рассматриваемый правовой институт должен отличаться особой эффективностью, а его развитию должно уделяться значительное внимание со стороны государства и компетентных органов. В свою очередь, негативное влияние на эффективность необходимой обороны оказывают сложно реализуемые пределы ее правомерности, которые, по сути, делают данный важнейший правовой институт формальностью.

Кроме того, большая часть населения нашей страны не знает своих прав, не имеет представления о правильной их реализации, что относится и к праву на необходимую оборону. Использование указанного субъективного права предполагает собой учет установленных законодателем пределов правомерности необходимой обороны, то есть тех пределов, при которых действия лица рассматриваются в качестве общественно полезных и не влекут за собой установления уголовной ответственности. В этом случае необходимо обратить внимание на существование такой проблемы, как несовершенство положений действующего законодательства. Существование противоречивых правовых предписаний, отсутствие единообразия в правоприменительной практике приводит к тому, что судами аналогичные действия лиц, прибегающих к использованию права на необходимую оборону, могут квалифицироваться различно: как преступные (противоправные) действия, либо как правомерные (допустимые) действия. При наличии указанных обстоятельств по отношению к лицам, реализовавшим право на необходимую оборону, встает вопрос о квалификации совершенных ими деяний в качестве преступных, о привлечении данных лиц к уголовной ответственности.

Тема необходимой обороны является достаточно изученной, и привлекательной для современных ученых ввиду своей проблематики. Она становилась объектом комплексных исследований таких авторов, как: Д.В. Боев (2024 год, «Институт необходимой обороны в российском уголовном праве»), М.А. Смирнов (2022 год, «Превышение пределов необходимой обороны в деятельности сотрудников полиции и Росгвардии»), А.В. Заря (2011 год, «Условия и пределы правомерности необходимой обороны по уголовному праву России»).

Однако несмотря на многочисленные исследования, посвященные необходимой обороне, данная тема остается проблемной и востребованной среди современных авторов. В частности, вопросы установления пределов необходимой обороны остаются одними из наиболее спорных и постоянно обсуждаемых.

Теоретическую основу исследования составили работы таких авторов, как: П.А. Акимов, Е.П. Борзых, К.В., Вахрушева, В.В. Гуляев, М.Д. Гарикова, Д.А. Гарбатович, Ф.В. Грушин, Д.А. Дорогин, А.П. Дмитриенко, П.О. Кадников, А.Г. Кибальник, Е.М. Кипман, Д.Н. Кожухарик, Д.Н. Кочиев, А.А. Максуров, Р.В. Минин, Т.Ю. Орешкина, А.Д. Осипова, В.И. Паркшеян, Т.Н. Прохорко, М.Г. Решетняк, Д.А. Свиринов, А.М. Смирнов, С.Д. Стефанков, И.Д. Тупогузов, С.А. Хорьков, А.М. Шамне, и других.

Нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с реализацией необходимой обороны как обстоятельства исключающего преступность деяния.

Предметом исследования являются нормы законодательства, регулирующие указанные общественные отношения, судебная практика

применения этих норм, а также положения доктринальных источников, содержащих результаты научных исследований по вопросам реализации права гражданина на необходимую оборону.

Целью исследования является осуществление комплексного анализа необходимой обороны, как обстоятельства исключающего преступность деяния.

Задачи исследования можно представить следующим образом:

- рассмотреть историю становления и развития института необходимой обороны в уголовном праве России;
- изучить понятие и сущность необходимой обороны как обстоятельства, исключающего преступность деяния;
- проанализировать правовое регулирование института необходимой обороны в зарубежных странах;
- рассмотреть условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к защите;
- рассмотреть условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к посягательству;
- исследовать особенности отграничения необходимой обороны от иных обстоятельств, исключающих преступность деяния;
- проанализировать проблемы выявления признаков превышения необходимой обороны
- выявить ошибки квалификации необходимой обороны.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, обобщение, сравнение, группирование) и частно-научные методы (формально-юридический и сравнительно-правовой).

Структура работы представлена введением, тремя главами, подразделенными на восемь параграфов, заключением и списком используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретические и правовые основы необходимой обороны как обстоятельства, исключающего преступность деяния

1.1 История становления и развития института необходимой обороны в уголовном праве России

Первое письменное упоминание о необходимой обороне содержится в договоре князя Олега с Византией 911 года (ст. 6). Речь в данном договоре идет о том, что, «если русский украдет что-либо у христианина или же христианин у русского и этот вор будет схвачен потерпевшим во время совершения кражи, оказывая при этом сопротивление, то допускается потерпевшему убить данного вора. В данном случае, важным признаком допустимости убийства вора является оказание им сопротивления при содержании. Кроме того, право необходимой обороны приравнивается к праву мести, которое по сути значительно шире» [21, с. 255].

Русская Правда допускала необходимую оборону в условиях защиты личных (жизни, здоровья) и имущественных прав. «Возможно было применение необходимой обороны в случае посягательства на собственность, осуществление которого происходило путем грабежа или разбоя» [21, с. 255].

В Пространной Правде «право необходимой обороны дополнялось определением пени за недозволенное убийство. К примеру, голова вора оплачивалась особенной пеней, равной пени за убийство несвободного (12 гривен). Также Русская правда допускала убийство человека в ночное время, находившегося в чужом помещении. Сам факт проникновения свидетельствовал о наличии преступного умысла, поэтому его можно было убить, чтобы предотвратить осуществление посягательства. При защите же посягательства на личность, человек мог причинить любой вред и остаться невиновным» [21, с. 255].

В Псковской судной грамоте право необходимой обороны было отражено только в рамках установления запрета вершить самосуд. Основным

способом самозащиты являлось обращение (жалоба) к князю, посаднику за защитой и восстановлением нарушенных прав в судебном порядке [39].

Дальнейшее развитие рассматриваемый институт получил в Соборном уложении 1649 – первом полноценном кодифицированном акте. П.О. Кадников отмечает, что «соборное уложение 1649 года закрепило его как естественное право человека. В это время расширился круг лиц, имеющих право на необходимую оборону, включая возможность защиты интересов других людей. Важным шагом стало отделение необходимой обороны от кровной мести, несмотря на сохранение широких прав обороняющегося. Закон запрещал излишнюю жестокость и самосуд. Применение необходимой обороны допускалось только для защиты от реальных противоправных действий, но не от словесных оскорблений. Это означало, что обороняться можно было только в ответ на нападение, а превентивная защита от угроз была невозможна» [15, с. 188].

Следующим этапом развития института необходимой обороны определяется период правления Петра I. В годы его правления был издан Артикул Воинский, где необходимая оборона впервые получила название «нужное оборонение», а также были установлены пределы ее правомерности. П.О. Кадников отмечает, что в Артикуле Воинском необходимая оборона была закреплена не как обстоятельство, исключающее преступность деяния, а как обстоятельство, исключающее наказуемость [15, с. 189].

Автор также отмечает, что «оборона ограничивалась защитой жизни и здоровья, исключая защиту от ненасильственных посягательств. Необходимая оборона приобрела форму самообороны, исключая возможность защиты других лиц, что возвращало институт к его истокам. Применение необходимой обороны стало возможным только в случаях, когда избежать посягательства или обратиться за помощью к государству было невозможно, то есть приобрело субсидиарный характер» [15, с. 189].

В соответствии с положениями Артикула в случае превышения пределов необходимой обороны, виновный обязан был представить суду обоснование

своих действий, доказать неизбежность использования соответствующих способов защиты. Если уважительных причин нарушения пределов самозащиты не было представлено, то такое лицо подвергалось наказанию в виде штрафа [47, с. 51].

Артикул Воинский устанавливал следующие условия правомерности необходимой обороны:

- «противозаконность и насильственность нападения;
- беспричинность нападения;
- нападение должно быть только что начавшимся и требующим мгновенного отражения;
- лицо, подвергшееся нападению, должно находиться «в смертном страхе», то есть в самой крайней опасности для жизни;
- если у лица имелась возможность спастись бегством или прибегнуть к помощи, то ссылаться на необходимую оборону было невозможно и лицо подлежало ответственности» [21, с. 256].

Свод законов Российской империи 1832 года также содержал ряд статей, посвященных необходимой обороне и условиям ее правомерности. Необходимая оборона, в рамках данного правового акта, относилась к деяниям, исключаящим наказуемость деяния, о чем говорит помещение норм, ее регламентирующих в раздел под названием: «Об освобождении от наказания, отсрочке и отмене онаго» [21, с. 256]. Условия правомерности необходимой обороны заключались в том, что осуществление самозащиты должно быть:

- своевременным (соответствовать по времени нападению);
- вынужденным (невозможность предотвратить вред иным способом);
- сопровождаться применением оружия только в случае, когда нападающий обладает большей физической силой [21, с. 256].

В 1845 году было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных – первый отдельный уголовный закон. В данном источнике давалось определение понятию необходимой обороны, устанавливались ее

пределы и обозначался более широкий круг объектов, подлежащих защите. Под необходимой обороной понимались «насильственные действия в отношении лица, совершившего нападение на обороняющегося, или на третьих лиц, или на женщину, посягая на ее целомудрие и честь» [47, с. 51].

Важным моментом можно назвать закрепление необходимой обороны, как обстоятельства, исключающего виновность деяния, о чем говорит помещение в пункт 6 ст. 98 Уложения 1845 года обстоятельства под названием «необходимость обороны» [48]. Это говорит о пересмотре законодателя позиции относительно сущности необходимой обороны. Оно перестало быть преступным, но исключаящим наказуемость.

В ст. 107 Уложения 1845 года содержалось следующее положение: «При необходимой личной обороне употребление силы и каких бы то ни было мер для отражения нападения, и нанесение при том нападающему ран, увечья и самой смерти не вменяются в вину, когда от нападения, при невозможности прибегнуть к защите местного или ближайшего начальства, действительно подвергались опасности жизнь, здоровье или свобода обороняющегося, или же нападение сделано вором или разбойником, или нападающий вторгся с насилием в жилище обороняющегося» [48].

Как видно, в Уложении 1845 года, необходимая оборона допускалась в случаях, когда имела место угроза жизни, здоровью, свободе либо половой неприкосновенности и когда посягательство было сопряжено с проникновением в жилище. Также важным моментом является то, что к необходимой обороне относилась защита иных лиц, подвергшихся нападению, а не только самого себя. После осуществления акта необходимой обороны, обороняющийся обязан был сообщить об этом соседям и в соответствующие органы.

Уложение 1845 года также устанавливало для необходимой обороны такое условие правомерности, как своевременность. Согласно данному источнику «всякий напрасный, сделанный нападающему после уже

отвращения грозившей от него опасности, вред есть злоупотребление обороной, за которое виновный должен быть наказан» [47, с. 51].

Следующим этапом правовой регламентации необходимой обороны является принятие Уголовного уложения 1903 года, которое закрепляло, что «не считается преступным деяние, учинённое при необходимости обороны против незаконного посягательства на личные или имущественные блага самого защищавшегося или другого лица, а также для спасения собственной жизни или жизни другого лица от опасности, которая произошла вследствие угрозы, незаконного принуждения или иной причины и которая была неотвратима в то самое время другим средством» [47, с. 51].

Послереволюционный этап развития законодательства характеризовался разрозненностью и бессистемностью правовых норм. После свержения империи, с формированием нового государства с новыми ценностями и идеологией, необходимо было обеспечивать защиту новым угрозам, таким, как контрреволюция, на что и были направлены основные силы государства. Это негативным образом отразилось на правовой регламентации всех правовых институтов, в том числе, и необходимой обороны. В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года определение необходимой обороны регрессировало по сравнению с предыдущими источниками, было менее детализированным и полноценным, помещало необходимую оборону в разряд не исключаящих преступность деяния обстоятельств, а противоправное деяние, исключаящее наказуемость. В соответствии с Руководящими началами 1919 года наказание не применялось «к совершившему насилие над личностью нападающего, если это насилие явилось в данных условиях необходимым средством защиты от нападения, и при этом не были превышены меры необходимой обороны» [47, с. 52].

В УК РСФСР 1922 года была определена возможность применения необходимой обороны также для целей защиты государственных интересов. При этом предусматривалось, что реализация указанного права была

возможна лишь при условии соблюдения ее пределов. Уголовная ответственность устанавливалась в случае «возникновения смерти, нападавшего», а также в случае «совершения его убийства при превышении мер для его задержания» [26].

УК РСФСР 1926 года закрепляет, что «не является наказуемым деяние, если имела место необходимая оборона» [27]. При этом объектом посягательства должны выступать «личность и права обороняющегося или другого лица», а также «Советская власть» [27]. Превышение пределов необходимой обороны данным актом признавалось в качестве обстоятельства, смягчающего преступность деяния.

Как видно, УК РСФСР 1922 и 1926 года содержали отдельные, рассредоточенные по разным главам статьи, посвященные необходимой обороне, которых было достаточно мало. Определение понятию необходимой обороны было дано неполноценно, однако в качестве объекта защиты добавилась советская власть. Это говорит о недостаточной законодательной проработанности данных нормативных актов, а также об отсутствии системного подхода к правовому регулированию необходимой обороны.

Однако имеющиеся недоработки и пробелы были устранены с принятием нового уголовного закона в 1960 году. В рамках данного уголовного кодекса законодатель представил более корректную и детальную регламентацию института необходимой обороны. Ст. 13 УК РСФСР 1960 года содержала следующее положение: «не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но совершённое в состоянии необходимой обороны, т.е. при защите интересов Советского государства, общественных интересов, личности или прав обороняющегося или другого лица от общественно опасного посягательства путём причинения вреда посягающему, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, каким является явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства» [46].

В 1994 году в ст. 13 были внесены изменения и правомерной признавалась любая защита от противоправного посягательства: «правомерной является защита личности, прав и законных интересов обороняющегося, другого лица, общества и государства путем причинения любого вреда посягающему, если нападение было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия» [15, с. 192]. Такой подход законодателя, при котором правомерным признается любое причинение вреда, если речь идет об угрозе жизни и здоровью, представляется оправданным и направленным на защиту прав и интересов обороняющихся лиц.

Таким образом, постепенно в уголовном законодательстве России оформлялось и совершенствовалось важнейшее право человека – право на необходимую оборону. Необходимая оборона зародилась еще в древнем праве, пройдя долгую, многовековую историю, она признавалась то обстоятельством, исключающим преступность деяния, то обстоятельством, исключающим противоправность. Нормы уголовного права, содержащие нормы о необходимой обороне в каждый период своего существования отражали интересы и потребности общества того или иного времени. Расширялись и трансформировались объекты правомерной защиты. Так, в УК РСФСР 1922 и 1926 годов в объекты защиты была включена советская власть. Понятие необходимой обороны также трансформировалось. Первоначально, определение понятия данного правового института в современном его понимании было закреплено в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, далее оно усовершенствовалось, но претерпело негативные изменения с принятием первых уголовных законов советского государства. Однако, в последствии, недостатки правового регулирования были ликвидированы и в УК РСФСР 1960 года было сформировано полноценное определение понятия необходимой обороны, которое признавалось обстоятельством, исключающим преступность деяния.

1.2 Понятие и сущность необходимой обороны как обстоятельства, исключающего преступность деяния

Согласно ст. 37 УК РФ, необходимая оборона представляет собой «причинение вреда посягающему лицу при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия» [45]. В свою очередь, под общественно опасным посягательством, сопряженным с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, следует понимать «деяние, которое в момент его совершения создавало реальную опасность для жизни обороняющегося или другого лица» [28].

Современные исследователи института необходимой обороны обращают внимание на то, что его правовая регламентация сопряжена с наличием ряда оценочных понятий, которые сложно отразить объективно. Это, в свою очередь, затрудняет реализацию исследуемого института, способствует применению его по субъективному усмотрению [41, с. 51]. Это обуславливает необходимость доработки правовых норм, посвященных институту необходимой обороны, сокращению субъективных критериев, уменьшению сложно установимых условий правомерности его применения.

Д.Н. Кожухарик и П.Т. Савин дают следующее определение необходимой обороне: «это институт, обеспечивающий защиту личности, общества и государства от общественно опасных посягательств и гарантирующий реализацию конституционного принципа о праве на защиту себя и интересов других лиц способами, не запрещенными законом» [17, с. 89]. Как видно, авторы рассматривают необходимую оборону с точки зрения широкого подхода – как правовой институт, в рамках которого реализуется конституционное право на защиту. Данный подход, безусловно,

имеет право на существование, однако не конкретизирует особенности непосредственно необходимой обороны, отличающие ее от иных обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Д.А. Свирин дает следующее определение необходимой обороны: «необходимая оборона – это пресечение общественно опасного посягательства при защите интересов личности, общества или государства путем правомерного причинения вреда посягающему» [40, с. 77]. Думается, что относительно необходимой обороны, более корректно говорить не о пресечении общественно опасного посягательства, а о защите от него, поскольку обороняющийся нацелен именно на защиту. Поскольку суть необходимой обороны состоит именно в защите от нападения средствами, которые в данном случае становятся правомерными, однако запрещены законом в обычной обстановке.

Д.А. Свирин в своем исследовании отмечает, что понятие необходимой обороны в современной доктрине определяется:

- как «правомерная защита личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства» [40, с. 75];
- как «правомерная защита личности, общественных и государственных интересов от общественно опасного посягательства путём причинения вреда посягающему» [40, с. 76];
- как «правомерное пресечение общественно опасного посягательства при защите интересов личности, общества или государства путём причинения вреда посягающему» [40, с. 76];
- как «правомерное поведение человека, защищающего охраняемые законом ценности и причиняющего тем самым вред посягающему лицу» [40, с. 76].

Д.Н. Кочиев необходимую оборону определяет, как «правомерную защиту от общественно опасного посягательства, претворяемую в жизнь и осуществляемую посредством нанесения ущерба и вреда посягающему

лицу» [18, с. 367]. В данном случае автор не указывает, что защита осуществляется от вреда, который может быть причинен личности обороняющегося, его правам, другим лицам.

Согласно определению С.Д. Стефанкова и М.Я. Лухневой, необходимая оборона представляет собой «правомерную защиту прав обороняющегося лица или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства в форме активного противодействия, выражающегося в причинении имущественного или физического вреда посягающему лицу при соблюдении таких условий, как общественная опасность, действительность и наличность посягательства» [43, с. 656]. Обоснованным и корректным представляется определение необходимой обороны, данное Т.Н. Прохорко. Автор определяет необходимую оборону следующим образом: «законная защита личности и прав обороняющегося, других лиц, а также охраняемых законом интересов общества и государства от общественно опасного посягательства путем отражения нападения любыми средствами, даже путем причинения вреда посягающему лицу, при соблюдении определенных условий» [37, с. 64].

По мнению Т.Ю. Орешкиной, основным отличительным признаком необходимой обороны является то, что она может иметь место исключительно в отношении законных интересов личности, общества, государства; путём причинения вреда посягающему, а не третьим лицам [23, с. 34].

Безусловно необходимая оборона собственности входит в понятие защиты личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства. Однако, для возможности применения данной нормы лицо должно совершать действия, сопряженные с насилием, либо с угрозой для жизни и здоровья.

В.В. Гуляев под необходимой обороной понимает «субъективное право, а иногда и обязанность человека на правомерную защиту от общественно опасного посягательства путём причинения вреда» [11, с. 49]. Автор не конкретизирует условия использования данного права, что говорит о том, что

данное определение может быть применимо и к другим обстоятельствам, исключающим преступность деяния.

А.Д. Осипова отмечает, что «необходимая оборона является обоснованной, активной, наступательной деятельностью, направленной на причинение вреда (возможно, даже и смерти) посягающему лицу, который в настоящий момент действительно и налицо своими общественно опасными действиями наносит вред или создаёт возможность нанесения вреда как непосредственно лицу, его близким или окружающим третьим лицам» [24, с. 190]. В отличие от предыдущего определения в данном конкретизируется, что вред причиняется или может быть причинен обороняющемуся лицу либо его близким. Но указание на то, что направленность необходимой обороны нацелена на причинение вреда, представляется не совсем верным. Более правильным является рассмотрение вреда в рамках необходимой обороны, как средства защиты от посягательства, но не как самоцели. Обороняющийся в данном случае заинтересован, прежде всего, в отражении нападения и обеспечении защиты себе или своим близким.

А.А. Максуров указывает, что использование термина «необходимая» излишне и достаточно упоминания просто обороны. Данное понятие он определяет, как «поощряемые правом активные правомерные, в силу прямого указания закона и вследствие общественной опасности действий посягнувшего лица, причиняющие или способные причинить вред нападающему действия обороняющегося лица, осуществляемые им в процессе самозащиты от общественно опасного посягательства на охраняемые уголовным законом права, свободы и интересы» [20, с. 23]. С данным подходом сложно согласиться, поскольку термин «необходимая» указывает на то, что оборона применяется в исключительных случаях, при невозможности спастись от посягательства иным образом, данная оборона необходима для защиты жизни, здоровья или жилища. Кроме того, несогласие вызывает подход автора к определению необходимой обороны, как поощряемому правом явлению, поскольку закон не поощряет причинение вреда, хотя и

правомерного, но представляет его в качестве необходимого обстоятельства, исключающего преступность.

Таким образом, можно отметить, что в современной правовой науке необходимая оборона определяется по-разному: и как правовой институт, и как правомерная защита, и как субъективное право, и даже как деятельность, направленная на причинение вреда. Принимая во внимание имеющиеся в доктрине определения необходимой обороны, можно отметить, что главные ее особенности авторы видят в том, что она, так или иначе, выражается в причинении вреда нападающему лицу для осуществления защиты от общественно-опасного посягательства. Думается, что наиболее корректно рассматривать необходимую оборону, как обстоятельство, исключающее преступность деяния или как правомерное причинение вреда посягающему лицу при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно-опасного посягательства при соблюдении установленных законом условий правомерности.

Характеризуя сущность необходимой обороны, необходимо отметить, что институт необходимой обороны, ввиду направленности на предотвращение преступления, несет в себе общественно полезную компоненту. Поэтому, необходимая оборона является очень значимым институтом, и исключение преступности деяния при необходимой обороне является весьма оправданным. Анализ современной доктрины и законодательства позволяют говорить о том, что сущность необходимой обороны выражается тем, что она представляет собой обстоятельство, исключающее преступность деяния, а также рассматривается, как субъективное право человека на защиту.

Причинение вреда при необходимой обороне расценивается законодателем как общественно полезное, необходимое поведение, реакция лица в целях защиты своих прав, свобод, законных интересов. Наличие в действиях лица, признаков причинения вреда нападающему, характерных для

соответствующих деяний, предусмотренных Особенной частью УК РФ, не влечет за собой квалификацию указанных деяний как преступных, поскольку в действиях обороняющегося отсутствуют такие признаки преступления как противоправность и наказуемость [12, с. 64].

Возможность причинения правомерного вреда при отражении посягательства в рамках необходимой обороны является правом, но не обязанностью обороняющегося. Если обороняющийся сочтет необходимым применение такого вреда, то это будет являться правомерным действием, если же нет - то это также будет являться правомерным. Свобода выбора действий при необходимой обороне лежит на обороняющемся, за тем исключением, что в случае угрозы применения насилия, не сопряженного с опасностью для жизни, причиняемый вред должен соответствовать характеру и степени потенциальной опасности.

В ч. 3 ст. 37 УК РФ подчеркивается социальная значимость необходимой обороны. Наделение каждого человека указанным правом направлено на достижение цели по противодействию преступным проявлениям. При этом сам факт наличия у лица необходимой профессиональной, физической подготовки в этом случае значения для наделения такого лица рассматриваемым субъективным правом не имеет.

Необходимая оборона рассматривается не только как допустимое поведение, но и как общественно полезное, поскольку позволяет достичь и «всеобщего» блага – защитить права, интересы отдельных социальных групп, всего общества, государства. Вместе с тем, в целях исключения случаев злоупотребления обозначенным правом действующий законодатель установил своеобразные «ограничения», при соблюдении которых действия по причинению вреда обороняющимся лицом могут быть признаны в качестве допустимых, правомерных.

Использование рассматриваемого субъективного права гражданами позволяет, с одной стороны, решить проблемы противодействия преступности, а с другой – защитить собственные права и интересы.

А.М. Климанов отмечает, что «институты необходимой обороны и причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, призваны обеспечить баланс интересов, связанных с реализацией предусмотренных в ч. 1 ст. 2 УК РФ задач уголовного законодательства по охране социальных ценностей, с одной стороны, и с возможностью правомерного причинения им вреда – с другой» [16, с. 197].

Таким образом, необходимая оборона – это установленная в соответствии с положениями уголовного законодательства возможность лица защитить свои права, интересы, а также права и интересы других лиц посредством причинения вреда посягающему лицу. Указанные действия обороняющегося лица признаются правомерными, допустимыми и общественно полезными, что обуславливается направленностью совершения таких действий – защита и обеспечение охраняемых законом ценностей, благ. Сущность необходимой обороны можно определить, как то, что она является обстоятельством, исключающим преступность деяния и субъективным правом лица на защиту. Несогласие вызывают подходы к определению сущности необходимой обороны, как поощряемого правом явления, поскольку закон не поощряет причинение вреда, хотя и правомерного, но допускает его причинение при обоснованной необходимости.

1.3 Правовое регулирование института необходимой обороны в зарубежных странах

Необходимая оборона является правовым институтом, получившим свое отражение в законодательстве различных стран мира. Однако, его содержание и условия правомерности различаются. Изучение зарубежного опыта правового регулирования необходимой обороны представляется достаточно важным, поскольку позволяет уяснить, какие положительные черты и особенности могли бы быть заимствованы и адаптированы в российском законодательстве.

В уголовном законе Франции необходимой обороне и иным обстоятельствам, исключающим преступность деяния, посвящена отдельная глава «основания ненаступления уголовной ответственности». Необходимая оборона там именуется, как правомерная защита. Согласно ст. 122-5 Уголовного кодекса Франции: «Лицо, совершившее преступное деяние в целях правомерной защиты себя или другого лица, если в этот момент необоснованно посягают на него или на другое лицо, но только если характер и степень посягательства соответствует используемым средствам защиты. Лицо освобождается от ответственности за совершение преступления в целях самозащиты или защиты другого лица, за исключением случаев умышленного убийства» [1, с. 312].

Для правомерной защиты французский закон предусматривает следующие критерии правомерности:

- посягательство должно начаться, намерение совершить посягательство не является основанием осуществления правомерной защиты;
- причиненный вред должен соразмеряться с потенциальным - если посягательство осуществлялось на собственность, недопустимо совершать убийство;
- при возможности обратиться в правоохранительные органы, защищающийся должен воспользоваться этим прежде осуществления правомерной защиты [1, с. 313].

Как видно уголовное право Франции предъявляет серьезные требования к условиям правомерности необходимой обороны.

Уголовный кодекс Германии включает отдельную главу, посвященную крайней необходимости и необходимой обороне. Согласно данному источнику, необходимая оборона – «это защита, которая требуется для того, чтобы отразить наличное противоправное нападение на себя или кого-либо другого» [9, с. 172]. Условия правомерности для необходимой обороны в немецком уголовном праве относятся к посягательству и к защите, идентично

российскому праву. Однако «пропорциональность и реальная угроза имеют решающее значение, и в случае явного перевеса силы с агрессором защитник не подлежит уголовному преследованию, даже если его действия были чрезмерными» [8, с. 126]. Думается, такой подход законодателя достаточно оправдан, поскольку физическое превосходство справедливо должно учитываться при оценке используемых для обороны средств и способов.

Поскольку одной из достаточно развитых и прогрессивных стран в современном мире являются Соединенные Штаты Америки, представляется целесообразным обратиться также к опыту правового регулирования в данном государстве.

Норма о необходимой обороне, а именно «о самозащите» закреплена в самой Конституции США, где говорится о праве гражданина носить с собой и применять оружие в целях самообороны. Однако в каждом штате действует собственный Уголовный Кодекс, на формирование которого оказал влияние проект общенационального УК [10, с. 14]. Рассмотрим правовое регулирование самозащиты в штате Нью-Джерси. Прежде всего, необходимо обратить внимание на достаточно детализированную проработку указанного правового института в законодательстве штата. Такое тщательное описание механизма действия правовой нормы позволяет избежать ее злоупотребления или иного неправильного применения.

В УК штата Нью-Джерси правомерным применением самозащиты признается оправданность применения силы против незаконного посягательства. Указанный правовой акт содержит перечень всех случаев, когда применение самозащиты не будет являться законным. К примеру, туда входят случаи сопротивления аресту, а также сопротивления выдворению лица, проникшего на частную территорию [50, с. 47].

Также в указанном нормативно правовом акте говорится о допустимости применения «смертельной силы». Такой вид самозащиты может быть применен, если защищающийся убежден, что существует реальная угроза его жизни или здоровью, однако в данном случае должно быть установлено, что

обороняющийся предварительно не оказывал какого-либо провокативного воздействия на нападающего. Применение смертельной силы будет признано незаконным и в случае, когда у обороняющегося была возможность укрыться от посягательства в безопасном месте, но он сознательно отказался от этого. Также необходимо отметить, согласно уголовному законодательству США, самозащита является именно правом, то есть лицо может данным правом воспользоваться, а может и нет, по своему усмотрению [50, с. 47].

Важным моментом правового регулирования самозащиты является закрепление в УК Нью-Джерси таких важных моментов, которые необходимо учитывать суду при квалификации самозащиты в случае проникновения в жилище, как необходимость изучения субъективной оценки ситуации обороняющимся. К факторам, которые могут оказать влияние на субъективную оценку опасности относят внезапность нападения, недостаток времени для рационального выбора способа противостояния нападению, продолжение вооруженного посягательства в ответ на требование сложить оружие [50, с. 47].

В уголовном законодательстве штата Нью-Йорк необходимая оборона рассматривается в рамках обстоятельств, оправдывающих применение силы. В УК указанного штата перечислены случаи, когда применение физической силы будет считаться оправданным. К таким случаям относятся защита имущества и помещений, находящихся в собственности у обороняющегося, а также применение силы при осуществлении ареста или предотвращении побега лица из-под стражи. При том, в данном правовом акте отмечается, что лицо может применять «разумную физическую силу», за исключением смертельной силы. Применение смертельной силы допускается только в случае попытки поджога имущества [50, с. 49].

Важным моментом представляется то, что в вышеуказанных случаях самозащита допускается не только для охраны объектов недвижимого имущества, но и для движимого в том числе. То есть применение физической силы разрешается для защиты от кражи или какого-либо причинения ущерба

имуществу. Что касается, защиты имущества другого лица, то законодательство большинства штатов придерживается принципа, что допустимо применение силы только со стороны того лица, на чье имущество непосредственно осуществляется посягательство. Исключение составляет защита жилища, так в штатах Казнас и Юта допускается применение силы для защиты жилища исключительно собственником; в Нью-Йорке, Нью-Джерси – лицом, которое имеет разрешение находится в данном жилище; а во Флориде и Вашингтоне - любым лицом, которое в момент посягательства находится в жилище.

В целом отличительной особенностью права на самозащиту в США, на которую представляется необходимым обратить внимание, является защита права собственности. Так в 45 штатах, предусмотрены расширенные возможности применения права самозащиты при проникновении нападающего в жилище. В указанном случае нападения, обороняющийся уже не обязан первоначально спастись бегством или укрываться в безопасное место, его права на защиту приобретают более расширенное действие. Такое расширенное правомочие на оборону в случае проникновения в жилище представляется достаточно обоснованным и целесообразным. Думается, что подобный подход заслуживает внимания и мог бы оказать положительное влияние при применении его и в российском уголовном праве, поскольку правовое государство должно надлежащим образом обеспечивать соблюдение неприкосновенности права неприкосновенности жилища.

Таким образом, можно отметить, что для США характерна некоторая разрозненность норм, регулирующих институт необходимой обороны, в зависимости от штата. Наиболее общей чертой для норм, регламентирующих указанный институт, является перечневая система, когда в законе перечисляются случаи допустимости применения самозащиты. При этом, в одних штатах данные случаи описываются достаточно подробно, в других – ограничивается непосредственно указанием самого случая. Кроме того, прослеживается существенная разница в объеме правомочий обороняющегося

в различных штатах. Что же касается, применения так называемой смертельной силы, то подобные случаи практически во всех штатах достаточно четко и подробно описаны в уголовном законодательстве.

Анализ применения смертельной силы в штатах Висконсин, Делавэр, Луизиана, Небраска, Нью-Джерси и Флорида позволяет говорить о том, что допустимость данного способа самозащиты может быть уместна в следующих случаях: когда имеет место реальная угроза причинения вреда жизни или увечья обороняющемуся, когда имеет место твердая уверенность обороняющегося в том, что только применение смертельной силы может спасти его от смертельной угрозы в его сторону, а также необходимо наличие оснований у обороняющегося полагать, что он находится в том месте абсолютно законно.

Думается, что данные пункты обладают субъективизмом и оценочностью, поскольку все перечисленные обстоятельства достаточно трудно установить на основании каких-либо объективных показателей. О том, что у обороняющегося было твердое убеждение, что только применение смертельной силы может спасти его от смертельной угрозы, может знать только сам обороняющийся.

Субъективизмом также отличается упоминание в законодательстве ряда штатов такого критерия, как разумность средств защиты при применении самообороны. Так, мера разумности для каждого конкретного человека может отличаться, что является трудно установимым и вызывает сложность для надлежащей правовой квалификации произошедшего.

Следующим проблемным моментом в регулировании института необходимой обороны в США представляется наличие в ряде штатов предписаний на первостепенную защиту от нападения путем бегства или укрытия в безопасное убежище. Как уже отмечалось в работе, в момент нападения лицо не всегда может правильно и адекватно оценивать опасность ситуации, рассчитывать силы и предпринимать действия, соответствующие закону.

Кроме того, в законодательстве некоторых штатов содержится прямой запрет на оказание сопротивления представителям правоохранительных органов, даже если эти действия не будут являться правомерными. Таким образом, может иметь место ситуация злоупотребления должностными полномочиями представителями указанных органов.

Таким образом, в качестве вывода к первой главе можно отметить следующее. Постепенно в отечественном уголовном законодательстве оформлялось и совершенствовалось важнейшее право человека - право на необходимую оборону. Необходимая оборона зародилась еще в древнем праве, пройдя долгую, многовековую историю, она признавалась то обстоятельством, исключающим преступность деяния, то обстоятельством, исключающим противоправность. Нормы уголовного права, содержащие нормы о необходимой обороне в каждый период своего существования отражали интересы и потребности общества того или иного времени. Расширялись и трансформировались объекты правомерной защиты. Так, в УК РСФСР 1922 и 1926 годов в объекты защиты была включена советская власть. Понятие необходимой обороны также трансформировалось. Первоначально, определение понятия данного правового института в современном его понимании было закреплено в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, далее оно усовершенствовалось, но претерпело негативные изменения с принятием первых уголовных законов советского государства. Однако, в последствии, недостатки правового регулирования были ликвидированы и в УК РСФСР 1960 года было сформировано полноценное определение понятия необходимой обороны, которое признавалось обстоятельством, исключающим преступность деяния.

В современной правовой науке необходимая оборона определяется по-разному: и как правовой институт, и как правомерная, защита, и как субъективное право, и даже как деятельность, направленная на причинение вреда. Принимая во внимание имеющиеся в доктрине определения необходимой обороны, можно отметить, что главные ее особенности авторы

видят в том, что она, так или иначе, выражается в причинении вреда нападающему лицу для осуществления защиты от общественно-опасного посягательства. Думается, что наиболее корректно рассматривать необходимую оборону, как обстоятельство, исключающее преступность деяния или как правомерное причинение вреда посягающему лицу при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства при соблюдении установленных законом условий правомерности.

Сущность необходимой обороны можно определить, как то, что она является обстоятельством, исключающим преступность деяния и субъективным правом лица на защиту. Несогласие вызывают подходы к определению сущности необходимой обороны, как поощряемого правом явления, поскольку закон не поощряет причинение вреда, хотя и правомерного, но допускает его причинение при обоснованной необходимости.

В зарубежном законодательстве содержание необходимой обороны и критерии ее правомерности отличаются в зависимости от государства. Во Франции необходимая оборона называется правомерной защитой и относится к обстоятельствам, исключающим уголовную ответственность. Основными критериями правомерности при этом выступают наличие посягательства и соразмерность средств и способов защиты.

В уголовном праве Германии положительным моментом правового регулирования необходимой обороны можно назвать обязательность учета физических качеств нападающего и обороняющегося. Если устанавливается, что средства защиты были чрезмерными, однако имело место физическое превосходство нападавшего, то такое деяние будет признано правомерной защитой. Думается, такой подход законодателя достаточно оправдан, поскольку физическое превосходство справедливо должно учитываться при оценке используемых для обороны средств и способов.

Что касается правового регулирования необходимой обороны в США, то необходимо отметить, что для США характерна некоторая разрозненность норм, регулирующих институт необходимой обороны, в зависимости от штата. Наиболее общей чертой для норм, регламентирующих указанный институт, является перечневая система, когда в законе перечисляются случаи допустимости применения самозащиты.

При этом, в одних штатах данные случаи описываются достаточно подробно, в других – ограничивается непосредственно указанием самого случая.

Кроме того, прослеживается существенная разница в объеме правомочий обороняющегося в различных штатах. Что же касается, применения так называемой смертельной силы, то подобные случаи практически во всех штатах достаточно четко и подробно описаны в уголовном законодательстве.

Глава 2 Условия правомерности необходимой обороны

2.1 Условия правомерности, относящиеся к посягательству

Уголовный закон, закрепляя условия правомерности необходимой обороны, указывает, что «защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, то есть умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства» [45]. Кроме того, УК РФ закрепляет, что «не является превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения» [45].

Для того, чтобы квалифицировать деяние, как необходимую оборону, необходимо установить условия его правомерности, которые принято подразделять на относящиеся к посягательству и относящиеся к защите. То есть с определенных позиций характеризуется, какое было посягательство, как выглядел акт защиты, потом эти положения соотносятся между собой и уже в системно-правом смысле дается анализ и вывод о том, соблюдались ли условия правомерности акта необходимой обороны, либо же не соблюдались. К условиям правомерности необходимой обороны, относящимся к посягательству, принято причислять следующие:

- наличие посягательства;
- общественная опасность посягательства;
- действительность посягательства.

Первое условие подразумевает либо наличие начавшегося посягательства, но еще не оконченного, либо наличие реальной угрозы, очевидной для обороняющегося, которая выражается в возможности

предполагать, что лицу, его правам, свободам и законным интересам будет причинен общественно опасный вред (например, выражается угроза с помощью жестов, слов).

Согласно Постановлению Пленума № 19 «состояние необходимой обороны возникает не только с момента начала общественно опасного посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, но и при наличии реальной угрозы такого посягательства, то есть с того момента, когда посягающее лицо готово перейти к совершению соответствующего деяния. Суду необходимо установить, что у обороняющегося имелись основания для вывода о том, что имеет место реальная угроза посягательства» [28].

Однако также Постановление № 19 отмечает, что «действия не могут признаваться совершенными в состоянии необходимой обороны, если вред посягавшему лицу причинен после того, как посягательство было предотвращено, пресечено или окончено и в применении мер защиты явно отпала необходимость, что осознавалось оборонявшимся лицом» [28].

Важнейшим дополнением Постановления Пленума № 19, которое было внесено в 2022 году, является указание на то, что необходимой обороной могут быть признаны случаи, когда:

- «защита была осуществлена при обстоятельствах, свидетельствующих о наличии реальной угрозы совершения общественно опасного посягательства, а действия оборонявшегося лица непосредственно предшествовали такому посягательству и были направлены на его предотвращение;
- защита последовала непосредственно за актом хотя и оконченого посягательства, но исходя из обстоятельств для оборонявшегося лица не был ясен момент его окончания и лицо ошибочно полагало, что посягательство продолжается;
- общественно опасное посягательство не прекращалось, а с очевидностью для оборонявшегося лица лишь приостанавливалось

посягавшим лицом с целью создания наиболее благоприятной обстановки для продолжения посягательства или по иным причинам» [28].

Следующим условием, называемым в доктрине, является общественная опасность посягательства. Постановление Пленума указывает, совершаемое общественно опасное деяние должно быть предусмотрено Особенной частью УК РФ, то есть должно являться преступлением [28].

Общественно опасное посягательство при необходимой обороне может быть сопряженным с насилием опасным для жизни и не сопряженным с таковым. Согласно Постановлению Пленума № 19 общественно опасное посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, представляет собой деяние, которое в момент его совершения создавало реальную опасность для жизни обороняющегося или другого лица. О наличии такого посягательства могут свидетельствовать, в частности: причинение вреда здоровью, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (например, ранения жизненно важных органов); применение способа посягательства, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушение, поджог и т.п.)» [28].

Под посягательством, не сопряженным с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия Постановление Пленума № 19 предлагает «понимать совершение общественно опасных деяний, сопряженных с насилием, не опасным для жизни обороняющегося или другого лица (например, побои, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью, грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья). Кроме этого, таким посягательством является совершение и иных деяний (действий или бездействия), в том числе по неосторожности, предусмотренных Особенной частью Уголовного кодекса Российской

Федерации, которые, хотя и не сопряжены с насилием, однако с учетом их содержания могут быть предотвращены или пресечены путем причинения посягающему вреда. К таким посягательствам относятся, например, незаконное проникновение в жилище против воли проживающего в нем лица, не сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, умышленное или неосторожное уничтожение или повреждение чужого имущества, приведение в негодность объектов жизнеобеспечения, транспортных средств или путей сообщения» [28].

Как видно, Постановление Пленума № 19 закрепляет такие важные моменты, как то, что основанием причинения вреда в рамках необходимой обороны является проникновение в жилище. Долгое время данный вопрос был не урегулирован, что создавало различные проблемы в квалификации деяния, как совершенного в рамках необходимой обороны. Важным моментом также является то, что Постановление Пленума разъясняет, что следует понимать под неожиданностью посягательства, поскольку из-за неожиданности обороняющийся не может адекватно оценить характер возможной опасности. Постановление Пленума № 19 по данному поводу указывает следующее: «При выяснении вопроса, являлись ли для оборонявшегося лица неожиданными действия посягавшего, вследствие чего оборонявшийся не мог объективно оценить степень и характер опасности нападения, суду следует принимать во внимание время, место, обстановку и способ посягательства, предшествовавшие посягательству события, а также эмоциональное состояние оборонявшегося лица (состояние страха, испуга, замешательства в момент нападения и т.п.). В зависимости от конкретных обстоятельств дела неожиданным может быть признано посягательство, совершенное, например, в ночное время с проникновением в жилище, когда оборонявшееся лицо в состоянии испуга не смогло объективно оценить степень и характер опасности такого посягательства» [28].

Еще одним важным моментом является указание в Постановлении Пленума № 19 на то, что «состояние необходимой обороны может быть вызвано и общественно опасным посягательством, носящим длящийся или продолжаемый характер (например, незаконное лишение свободы, захват заложников, истязание и т.п.). Право на необходимую оборону в этих случаях сохраняется до момента окончания такого посягательства» [28].

В свою очередь, следует учитывать, что условия правомерности необходимой обороны не могут быть распространены на случаи совершения посягающим лицом правомерных действий. Такие ситуации могут иметь место в случаях реализации возложенных на должностных лиц правоохранительных органов полномочий по охране и обеспечению общественного порядка. Так, применение физической силы к преступнику, оказывающему сопротивление сотрудникам органов власти, не должно рассматриваться в качестве предпосылки для реализации лицом субъективного права на необходимую оборону. При реализации субъективного права на необходимую оборону обороняющееся лицо должно осознавать, что совершаемое виновным лицом посягательство носит общественно опасный характер. Как правило, в этом случае речь идет о совершении посягающим лицом деяний, которые могут быть квалифицированы в качестве преступления.

Относительно обозначенного условия также необходимо отметить, что общественная опасность – это свойство деяния, которое присуще не только преступным посягательствам. Допустим если лицо совершает деяние, которое по своим объективным признакам, признается общественно опасным. Например, совершает кражу, но при этом стоимость похищенного заведомо для виновного и заведомо для собственника (будущего обороняющегося), настолько мала, что применяются положения ст. 14 УК РФ о малозначительности деяния. И таким образом, с точки зрения формальных признаков деяние является общественно опасным, но с точки зрения, оценки реальной степени общественной опасности, деяние признается

малозначительным и уголовной ответственности не подлежит. Оно может подлежать административной ответственности за мелкое хищение.

Важно упомянуть о том, что законодательство и Верховный суд говорят об общественно опасном посягательстве, как о преступном. Постановление Пленума Верховного суда № 19 указывает, что деяние, о котором идет речь, должно быть предусмотрено Особенной частью УК РФ, что означает, что оно должно быть преступным.

В судебной практике при рассмотрении вопроса о необходимой обороне судами принимается во внимание то обстоятельство, имело место общественно-опасное деяние. Так, в рамках одного из уголовных дел, на гражданина Г. напали двое лиц с целью разбоя, в ходе нападения высказывались угрозы его жизни, применялась физическая сила в виде удушения. Суд в данном случае учитывал, что действия нападавших подпадают под категорию общественно-опасного деяния [2].

Следующим критерием правомерности необходимой обороны является действительность посягательства. На первый взгляд может показаться, что это условие о действительности посягательства выглядит надуманно, но на самом деле, когда оборона не требуется, а лицо полагает, что требуется, такая ситуация в уголовном праве называется мнимая оборона. Такая ситуация не редкость на практике и правовые варианты решения подобных ситуаций далеко не однозначны.

В п. 16 Постановления Пленума № 19 указывается три правила квалификации мнимой обороны:

- обстановка создавала у обороняющегося основания полагать, что совершается реальное посягательство. И лицо, которое применило меры защиты, не осознавало и не могло осознавать отсутствие посягательства;
- «лицо не осознавало отсутствия посягательства, но должно было и могло осознавать. В этой ситуации лицо подлежит ответственности за неосторожное преступление, то есть лицо могло разобраться,

могло осознать, что нет реального общественно опасного посягательства, но вследствие паники, страха, испуга не оценил адекватно ситуацию, предпринял поспешные меры защиты, и как оказалось, посягательства никакого нет и оснований к тому не было. Лицо подлежит ответственности за неосторожное преступление, если есть соответствующие основания» [28];

- общественно опасного посягательства нет, не существовало и дополнительных условий никаких не было для того, чтобы считать, что посягательство есть. То есть лицо предприняло оборонительные действия, вообще не имея никаких оснований. Квалифицируется такая ситуация на общих основаниях [28].

Таким образом, условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к посягательству, принято определять следующим образом: наличие, общественная опасность и действительность посягательства. Наличие выражается в наличии начавшегося посягательства, но еще не оконченного либо в наличии реальной угрозы, очевидной для обороняющегося. Общественная опасность посягательства выражается в том, что совершаемое деяние должно быть предусмотрено Особенной частью УК РФ, то есть должно являться преступлением. Действительность посягательства должна выражаться в том, что посягательство является реальным, а не мнимым. Однако указанные условия в современной доктрине получают неоднозначную оценку. Наличие посягательства не ограничивается только временными рамками самого нападения, а может касаться и длящегося посягательства, а также создавшейся угрозы посягательства. Общественная опасность характерна не только для преступлений, однако Постановление пленума ВС РФ № 19 говорит о том, что в контексте необходимой обороны речь идет о деяниях, предусмотренных УК РФ, что создает теоретическую неоднозначность. Действительность посягательства также достаточно сложно может быть оценить ввиду напряженной обстановки и стрессового состояния обороняющегося лица.

При установлении данных условий правомерности, суды учитывают следующие обстоятельства: имело ли место общественно-опасное посягательство, от которого защищался обороняющийся; способ физического воздействия на обороняющегося; наличие возможности у обороняющегося позвать на помощь; имели ли место высказанные угрозы причинения насилия, опасного для жизни обороняющегося.

2.2 Условия правомерности, относящиеся к защите

Выделяют три условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к защите:

- в рамках защиты вред может быть причинен только посягающему лицу;
- допускается защита только законных интересов обороняющегося лица, если же лицо имеет незаконный интерес соответственно оборона невозможна;
- защита всегда должна быть соразмерна посягательству, общественной опасности посягательству.

Ряд авторов также выделяют такое условие правомерности, относящееся к защите, как своевременность, которая означает, что защита «должна соответствовать во времени общественно-опасному посягательству» [38, с. 76].

Обращая внимание на первые два условия следует сказать, что если лицо причиняет вред не самому посягающему, а какому-то стороннему лицу, то говорить о необходимой обороне нельзя. В данном случае при определенных условиях можно будет говорить о крайней необходимости. При этом Постановление Пленума № 19 отмечает, что, если нападающих несколько, то вред может быть причинен, как одному из них, так и нескольким.

Что касается второго условия, то необходимой обороной не могут быть признаны действия, направленные на защиту незаконных интересов. Кроме того, в данном случае не должны иметь место провокация необходимой

обороны или предлог необходимой обороны. Провокация – это ситуация, при которой лицо само спровоцировало посягательство на себя, то есть, выступило инициатором ссоры, драки, а потом ссылается на то, что оно защищалось. Такая ссылка уже не имеет под собой оснований, потому что нельзя ссылаться на защиту если лицо само вызвало на себя нападение, защищаться может только тот, который нападение на себя не вызывал и не провоцировал.

Предлог необходимой обороны – это ситуация, когда лицо вследствие провокации необходимой обороны видит, что ситуация складывается в его пользу, посягающий потерял уверенность в своих силах, и обороняющийся использует ситуацию для намеренного, умышленного, причинения вреда посягающему.

Также недопустимо признание необходимой обороной причинение вреда, когда посягательство являлось малозначительным, и это было очевидно обороняющемуся.

Разъясняя подобные ситуации, следует обратиться к правоприменительной практике. Решение Грязовецкого районного суда Вологодской области 2017 года. Гражданин В. и гражданка Т., ссорятся, в ходе этой ссоры гражданин В. начал выгонять гражданку Т. из квартиры, «оттолкнул ее, схватил рукой за волосы. И, в моменте ссоры, гражданка Т., которая была участницей ссоры, реализовала свой преступный умысел, направленный на лишение жизни гражданина В.: взяла с кухонного стола нож и нанесла им один удар в область груди, тем самым причинив смерть» [29].

Внешне данная ситуация при определенных условиях могла бы напоминать необходимую оборону, при наличии оснований осуществлять защитные действия. Если говорить о том, что основания есть, то в данной ситуации гражданка Т. убила гражданина В., явно превышая необходимой обороны. Основанием в данном случае является форма насилия со стороны гражданина В. которое было адресовано в адрес гражданки Т.

Если говорить о том, что оснований нет, то действия гражданки Т. необходимо квалифицировать на общих основаниях. По решению суда

гражданка Т. была осуждена по ч. 1 ст. 105 УК РФ за совершение убийства, то есть на общих основаниях, но при этом сторона защиты приводила доводы о том, что «гражданка Т. действовала в состоянии необходимой обороны, хотя и превысила необходимые для этого пределы. Соответственно, действие гражданки Т. необходимо квалифицировать по ст. 108 УК РФ, то есть, как убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны» [29].

Однако суд отклонил доводы защиты, так как:

- гражданин В., кроме требований покинуть квартиру и хватки за волосы, никаких иных действий противоправного характера в отношении гражданки Т. не предпринимал;
- гражданин В. телесных повреждений гражданке Т. не причинял;
- суд признает действия гражданина В. по отношению к гражданке Т. малозначительными хотя и не правомерными, но недостаточными для того, чтобы признавать их основанием для необходимой обороны [29].

Данная ситуация является ярким примером недопустимости обороны при малозначительности деяния.

В качестве примера провокации можно указать уголовное дело, в рамках которого обороняющееся лицо само спровоцировало конфликт, первым вступило в драку, первым нанесло удары, что вызвало ответные действия другой стороны конфликта.

Так, в рамках одного из дел четыре участника – гражданка Л., гражданин С., гражданин Л. и гражданин Б. употребляли спиртные напитки, между ними возник конфликт. Гражданка Л. и гражданин С. поссорились, и гражданка Л. стала душить гражданина С., в конфликт вмешался гражданин Л., который нанес гражданину С. удар кулаком в лицо, а гражданка Л. продолжила удушение. Гражданин Б. был свидетелем произошедшего, он видел, что гражданину С. был нанесен удар кулаком в лицо, а потом, что гражданка Л., взяла подушку, положила на лицо гражданину С. и сидела на ней, пока

гражданин С. не задохнулся. Гражданин Б. осознав, что гражданин С. мертв нанес телесные повреждения гражданке Л., сначала это был удар по голове бутылкой, которая разбилась в процессе удара. Далее между гражданином Л. и гражданином Б. развернулась драка, в ходе которой гражданин Л. нанес гражданину Б. множественные удары вилкой и осколком тарелки по голове и шее (больше 50 ударов в районе шеи и головы). Гражданин Б. скончался на месте от полученных телесных повреждений. По решению суда гражданин Л. была осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ за убийство, однако сторона защиты приводила доводы в пользу того, что его необходимо осудить за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны так как, зачинщиком конфликта был гражданин Б. Суд отверг эти доводы защиты, признав их несостоятельными так как:

- были приняты во внимание предшествующие события того дня: было выяснено, что гражданин Л., придя домой, схватил за шею гражданина Б. и угрожал избиением. Это важный момент, потому что предшествующие события этого дня сформировали у гражданина Б. представление о том, чего можно ожидать от гражданина Л.;
- гражданин Б. стал очевидцем убийства гражданина С., где гражданин Л. выступил в качестве исполнителя этого преступления. Гражданин Л. ударил в лицо гражданина С., гражданка Л. села на подушку, которой было закрыто лицо гражданина С.;
- гражданин Б., будучи очевидцем этого жестокого преступления и с учетом предшествующего поведения гражданина Л. по отношению к нему, имел все основания начать опасаться за свою жизнь. В связи с этим, опасаясь за свою жизнь, гражданин Б. взял бутылку и нанес удар сначала гражданке Л. и потом гражданину Л.
- суд пришел к убеждению, что гражданин Б. испугался за свою жизнь;

- нападение на гражданина Л. было связано тем, что он своим неправомерным поведением спровоцировал нападение гражданина Б. [32]

Следующим условием правомерности является соразмерность защиты и нападения. Как уже было отмечено, УК РФ в нормах, посвященных институту необходимой обороны, подразделяет насилие, которое может иметь место в рамках посягательства на обороняющееся лицо, на опасное для жизни и не опасное. В соответствии с тем, какой характер насилия имел место при посягательстве, законодатель устанавливает критерии правомерности вреда, причиняемого в рамках необходимой обороны. Так, в случае с опасным для жизни насилием, обороняющийся вправе применить любой вред. Если насилие, которое имеет место при посягательстве, не было сопряжено с опасностью для жизни, то отражение посягательства должно соответствовать характеру и степени потенциальной опасности.

Важным моментом можно назвать то, что Постановление Пленума № 19 закрепляет возможность причинения любого вреда при посягательстве, опасном для жизни и сопряженным с насилием, а также то, что принимается во внимание состояние волнения обороняющегося, которое не позволяет должным образом оценить реальность и опасность посягательства. Постановление указывает, что: «судам надлежит иметь в виду, что обороняющееся лицо из-за душевного волнения, вызванного посягательством, не всегда может правильно оценить характер и опасность посягательства и, как следствие, избрать соразмерные способ и средства защиты» [28].

Относительно данного положения нельзя не отметить, что внезапность нападения, действительно, лишает возможности адекватной оценки опасности, угрожающей обороняющемуся лицу или его близким. В отличие от нападающего, у которого была возможность предварительно спланировать нападение, у обороняющегося нет времени обдумать и оценить характер и степень потенциальной опасности. Более того, зачастую, только нападающий может знать о своих намерениях причинить насилие, опасное для жизни.

Может иметь место ситуация, когда нападающий не намеревался причинить насилие, опасное для жизни, однако, в ходе посягательства у него такая необходимость возникла.

В.М. Лебедев по данному поводу отмечает, что «при оценке неожиданности посягательства, необходимо принимать во внимание все детали происшествия – время, место, обстановку, а также психологическое состояние обороняющегося лица – страх, сильный испуг, душевное волнение, состояние здоровья» [19, с. 104].

Относительно установления критерия соразмерности средств защиты необходимо обратить внимание на случаи использования оружия, как в рамках нападения, так и в рамках необходимой обороны. Анализ судебной практики подтверждает, что, в случае, когда нападающий имеет при себе оружие, угрожает им, высказывает угрозы убийством, ответные действия обороняющегося, который завладевает в ходе драки этим оружием, признаются необходимой обороной.

Так, по одному из дел, «М, находясь возле входной двери квартиры, в которой проживали П и Ф., после того, как П. открыла входную дверь квартиры, удерживая в руке мачете, нанес П. один удар по руке, не причинив ей вреда здоровью, сопровождая при этом свои действия угрозой убийством, а затем, оттолкнув ее, против ее воли и проживающего там Ф., прошел в вышеуказанную квартиру. После чего М, замахнулся мачете в область головы Ф., который уклонившись от удара, выбил мачете из рук М. В свою очередь, М. схватил Ф. за одежду, потянул на себя и они оба упали в коридоре квартиры, где продолжили борьбу, в ходе которой М. пытался поднять мачете, однако Ф., реально опасаясь применения насилия опасного для его жизни, а также жизни и здоровья, проживающих с ним близких ему лиц, первым завладев мачете, нанес своей правой рукой один удар в область левого плеча М. Затем они вместе поднялись и Ф. стал выталкивать М. из квартиры, который сопротивлялся и не желал выходить. Оказавшись на лестничной площадке, М, продолжая удерживать Ф. за одежду, стал наносить ему удары.

Тогда Ф., реально опасаясь дальнейшего применения насилия опасного для его жизни, стал отмахиваться от М. рукой, в которой находилось мачете, нанеся ему не менее 3-х ударов в область головы и левой руки, причинив тем самым М. телесные повреждения в виде: закрытой черепно-мозговой травмы, повлекшей тяжкий вред здоровью. После того, как М. прекратил удерживать Ф. и стал подниматься вверх по лестнице в подъезде, последний поставил мачете возле своей квартиры и попросил П. вызвать скорую медицинскую помощь». Суд квалифицировал действия Ф., как совершенные в состоянии необходимой обороны и постановил оправдать Ф. по предъявленному ему обвинению [36].

Анализ судебной практики также показывает, что, если при нападении и в рамках необходимой обороны обе стороны использовали оружие, то соразмерность вреда оценивается исходя из количества произведенных выстрелов. Так, по одному из дел государственный обвинитель указал на то, что деяние следует квалифицировать, как превышение пределов необходимой обороны, поскольку обороняющимся лицом было произведено большее количество выстрелов, чем нападающим. Суд не согласился с доводами обвинителя и квалифицировал действия обороняющегося, как необходимую оборону. Из материалов данного дела следует, что «органами предварительного следствия Михайловский В.В. обвинялся в убийстве на почве личных неприязненных отношений двух лиц М. и Т. После требований Михайловского В.В. предъявить документы Т. и М. отказались подчиниться и высказали оскорбления в его адрес. Когда Михайловский В.В. вернулся в свой автомобиль, Т. подошел к правой пассажирской двери автомашины Михайловского В.В. и открыл ее. В тот момент, когда Михайловский В.В. вновь вышел из автомобиля, М. шел в его сторону с двуствольным ружьем в руках, направляя на него оружие и угрожая лишить его жизни, а после требования Михайловского В.В. остановиться и бросить ружье, а также произведенного им предупредительного выстрела в воздух, М. произвел один выстрел в сторону Михайловского В.В. После этого Т. с ружьем в руках также

начал приближаться к Михайловскому В.В. и, несмотря на требования последнего остановиться и бросить ружье, а также произведенные им два предупредительных выстрела в воздух, Т. продолжил сближение с направленным на Михайловского В.В. ружьем. Михайловский В.В. произвел выстрелы в М. и Т. опасаясь за свою жизнь и здоровье, а также за жизнь и здоровье сына, находящегося в машине, в ответ на действия М. который направляя в его сторону двуствольное ружье, угрожая лишить жизни, произвел выстрел в его направлении, и действия Т., который продолжил сближение с ним с направленным на него ружьем. Суд присяжных постановил, что Михайловский В.В. причинил смерть потерпевшим в условиях необходимой обороны от посягательства на его жизнь и здоровье, а также на жизнь и здоровье его сына и вынес оправдательный приговор» [6].

Анализ судебной практики также говорит о том, что судами при квалификации действий обороняющегося, принимается во внимание неосторожная форма вины, которая была вызвана тем, что обороняющийся причинил несоразмерный вред нападающему. Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда «не влечет уголовную ответственность причинение любого вреда по неосторожности, если это явилось следствием действий оборонявшегося лица при отражении общественно опасного посягательства» [28].

Один из рассмотренных примеров судебной практики иллюстрирует следующее: нападавшему был причинен несоразмерный вред по неосторожности. Им был произведен выстрел в воздух, но «пуля отскочила от поверхности и попала в нападающего, в результате чего он скончался. В данном случае у обороняющегося не было умысла на совершение убийства. Он хотел просто напугать нападавшего и предотвратить дальнейшее посягательство» [3]. Суд указал, что «в действиях Геворкяна К.О. отсутствует состав преступления, поскольку доказано, что в руках нападавших он видел ножи и рукоятку пистолета, а выстрел произвел после нанесенного ему удара в лицо, попытки удушения и ножевого ранения. Данные обстоятельства дают

основания расценивать нападение как опасное для жизни Геворкяна К.О., а его ответные действия – как необходимую оборону» [3].

Таким образом, в результате исследования во второй главе мы сформулировали вывод о том, что принято выделять четыре условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к защите – это допустимость причинения вреда только посягающему лицу; допустимость защиты только законных прав и интересов; соразмерность защиты. В доктрине еще выделяют такое условие, как своевременность защиты. Наибольшую сложность в реализации вызывает оценка соразмерности. При установлении данного признака суды учитывают такие обстоятельства, как: способ физического воздействия на обороняющегося; количественное и качественное превосходство нападающих. При оценке соразмерности в случае, когда при нападении и в рамках необходимой обороны обе стороны использовали оружие, то соразмерность вреда оценивалась судами исходя из количества произведенных выстрелов. В случаях, когда нападающий имел при себе оружие, угрожал им, высказывал угрозы убийством, ответные действия обороняющегося, который завладевал, в ходе драки этим оружием, признавались судами необходимой обороной.

Глава 3 Актуальные вопросы реализации необходимой обороны как обстоятельства, исключающего преступность деяния

3.1 Отграничение необходимой обороны от иных обстоятельств, исключающих преступность деяния

Глава 8 УК РФ помимо необходимой обороны включает в себя еще пять обстоятельств, исключающих преступность деяния: «причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление; крайняя необходимость; физическое или психическое принуждение; обоснованный риск и исполнение приказа или распоряжения» [45]. Наиболее близкими к необходимой обороне являются причинение вреда при задержании и крайняя необходимость.

Согласно ч. 1 ст. 38 УК РФ «не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер» [45]. Основание для причинения вреда – совершение лицом преступления и попытка уклониться от доставления органам власти.

«Задержание лица имеет ряд общих признаков с необходимой обороной. Например, то, что вред должен быть причинен в результате преступных действий и только тому человеку, которые эти действия совершает. Но помимо общих черт, между двумя институтами имеются различия. При необходимой обороне, защищающийся имеет право причинить вред нападавшему только в случае действительности, наличности и реальности посягательства. При задержании главным фактором для причинения вреда является сам факт того, что преступление было совершено и то, что лицо его совершившее, пытается уйти от наказания и скрыться.

Исходя из первого отличия, возникает второе. По окончании опасности при необходимой обороне, запрещается наносить ущерб, а в случае задержания, вред может быть нанесен и после окончания преступного деяния, вплоть до истечения сроков давности совершенного им преступления.

Необходимая оборона является способом предотвращения опасности и ущерба от преступного посягательства, а задержание человека, который совершил преступление, является средством, с помощью которого осуществляется правосудие и не допускается совершение данным лицом новых преступлений. Исходя из этого, можно сказать, что при необходимой обороне защищающийся может выбрать способ обороны (причинять вред нападавшему или нет), то в случае задержания, причинение вреда может выступать единственно возможным способом задержать лицо, совершившее преступление.

При задержании лица вред ему может быть причинен только тот, который будет соответствовать характеру и уровню общественной опасности. При необходимой обороне в случае причинения насилия, опасного для жизни и здоровья либо при угрозе причинения такого насилия, может быть правомерен любой по характеру вред» [23, с. 61].

Однако несмотря на отличия, на практике могут возникнуть сложности отграничения данных обстоятельств. Если представить сотрудника полиции, который находится при исполнении служебных обязанностей и, например, причиняет вред посягающему на него лицу, то расценивать подобную ситуацию можно по-разному. Если, например, оценивать ситуацию как необходимую оборону, это один правовой сценарий. Если оценивать ситуацию как причинение вреда лицу в процессе задержания, это другая правовая ситуация. Если рассматривать как исполнение приказа или распоряжения, это третья ситуация. Между этими тремя ситуациями разные основания правовой оценки и различная степень правовых дозволений. Если сравнить акт задержания и акт необходимой обороны, то с точки зрения

действующего законодательства правовые дозволения, например даже в части способов защиты в необходимой обороне намного шире.

Рассмотрим пример из судебной практики по причинению вреда при задержании лица, совершившего преступление. Так, лицу Н. было предъявлено обвинение по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Данное лицо являлось должностным, а именно, занимало пост сотрудника ДПС. Находясь на службе, Н. получил сообщение от дежурного о нападении на банкомат в одном из ближайших отделений банка. Н. прибыл на место происшествия вместе с другим сотрудником ДПС, где они задержали нападавших, последним было велено лечь на пол. Н. «подошел к одному из лежавших на полу и нанес ему два удара рукой по голове, в результате чего тот ударился лицом об пол и получил травмы, которые были квалифицированы, как легкий вред здоровью. Н. обосновал свои действия тем, что задержанный не стал спокойно лежать на полу, а поднимался на локти, крутил головой по сторонам, осматривал окружающую обстановку. На предупреждения Н. он не реагировал. Из этого Н. сделал вывод, что нападавший, находящийся в тот момент без наручников, может совершить попытку к побегу, может выхватить у него пистолет или причинить иной вред сотрудникам полиции» [4]. Суд указал, что «Н. действовал с учетом создавшейся обстановки, которая давала основания полагать, что совершено преступление и промедление в применении к С. силы, с учетом поведения последнего, создает непосредственную угрозу жизни и здоровью сотрудника полиции, о чем свидетельствовали место, время, количество задерживающих и задерживаемых лиц, вооруженность последних» [4]. Кроме того, суд указал, что умысел Н. был направлен не на причинение физических страданий нападавшему, а на его задержание до прибытия сотрудников полиции. Суд указал, что в действиях Н. состав преступления отсутствует [4].

Как видно из данного примера, как при необходимой обороне здесь была угроза жизни и здоровью сотруднику ДПС, что подтверждалось сложившаяся обстановка. Цель причинения вреда была сосредоточена на предотвращении

возможного нападения. Однако данный вред был причинен в процессе задержания лица для передачи его сотрудникам полиции, что и было ключевым моментом для квалификации действий Н. как причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление. Если более подробно рассмотреть данный пример, то думается, что здесь сложно говорить о том, что причиненный вред был нанесен именно с целью задержания. Подсудимый сам говорил о том, что он почувствовал в действиях задержанного угрозу для жизни и здоровья сотрудников ДПС и в этой связи нанес ему удары.

Следующим обстоятельством, смежным с необходимой обороной, является крайняя необходимость. Согласно ст. 39 УК РФ «не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости» [45]. Как видно, и необходимая оборона и крайняя необходимость сопряжены с причинением вреда, который направлен на предотвращение иного вреда. Однако для данных деяний характерны и различия. Исследователями выделяются следующие основания разграничения обозначенных обстоятельств:

- «основание правомерного причинения вреда в случае необходимой обороны – это общественно опасное нападение, а в ситуации крайней необходимости – наличие реальной опасности любого происхождения» [25, с. 152];
- «момент возникновения права на причинение вреда, которым при необходимой обороне является момент восприятия сознанием обороняющегося наличия и реальности угрозы общественно опасного посягательства. В случае же крайней необходимости таковым моментом является возникновение подлинной и реальной опасности» [25, с. 152];

- «объект причинения вреда при необходимой обороне – это блага и интересы конкретного нападающего лица, в то время как при крайней необходимости в качестве объекта выступают блага и интересы неограниченного круга лиц;
- характер причиненного вреда. Так, в ситуации необходимой обороны вред должен соответствовать характеру и степени общественной опасности посягательства, его интенсивности и способу. Крайняя необходимость характеризуется тем, что причиненный вред должен быть меньше вреда предотвращенного» [25, с. 152];
- «цель – при необходимой обороне целью является отражение преступного посягательства, а при крайней необходимости – устранить опасность» [25, с. 152].

Рассмотрим пример из судебной практики по делу о крайней необходимости. Лицу К. было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ст. 199.2 УК РФ. Данное лицо, являясь директором завода, сокрыл от налога крупную сумму денежных средств предприятия. К. свою вину не признавал ввиду того, что он ранее уведомлял соответствующие органы об убыточности и несостоятельности предприятия, в результате чего, предусмотренная сумма налога будет неподъемной для завода. Денежные средства, которые он вынужден был скрыть необходимы были для выплаты заработной платы рабочим, оплаты электричества, которое необходимо для безопасного функционирования предприятия. Отключение электроэнергии на заводе могло привести к тяжелым последствиям, в том числе, к взрывам и гибели людей. В этой связи деньги, которые К. сокрыл от налога пошли на покрытие этих первостепенных нужд предприятия [7].

Суд указал следующее: «целью данных действий К. являлось не сокрытие имущества предприятия от принудительного взыскания задолженности по налогам и сборам, а поддержание бесперебойного производственного цикла, остановка которого в связи с отсутствием сырья для

литейного оборудования либо в связи с отключением снабжающими компаниями энергоресурсов, вызванным неуплатой, могла привести к масштабной техногенной аварии. Самостоятельно прекратить предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность предприятия К. как директор завода был не вправе, так как это привело бы к остановке работы опасных производственных объектов, созданию угрозы техногенной аварии, а также утрате рабочих мест около 1000 человек, что в итоге могло нанести ущерб, значительно превышающий размер сокрытых денежных средств» [7]. Действия К. признаны крайней необходимостью.

Как видно из данного примера, здесь нет нападающего лица, как при необходимой обороне, вред причиняется интересам государства и третьих лиц, вред носит имущественный характер, целью деяния является устранение опасности, которая может привести к более серьезным последствиям, чем сам вред.

В рамках другого дела гражданка Б. проникла в жилище живущей на ней женщины, поскольку ее заливала горячая вода из квартиры сверху, это угрожало здоровью ее детей и ее собственному, а также наносила ущерб ее имуществу. Дверь квартиры, из которой лилась вода, открыли дети, взрослых на тот момент дома не было. В этой связи для перекрытия крана с горячей водой и оказания помощи детям, которые находились в квартире без взрослых, Б. прошла в квартиру и осуществила необходимые действия для предотвращения дальнейшего вреда. Б. было предъявлено обвинение за незаконное проникновение в жилище, однако суд квалифицировал действия Б. как крайнюю необходимость [30].

В данном примере также отсутствует посягательство непосредственно физического лица, вред в рамках рассматриваемого обстоятельства, также не заключается в причинении физического вреда потерпевшему.

Таким образом можно сделать вывод, что необходимая оборона отличается от иных деяний, исключая преступность. Сложности могут возникнуть при отграничении необходимой обороны от причинения вреда при

задержании лица, совершившего преступление и крайней необходимости. Что касается первого обстоятельства, то главным отличием является то, что при задержании лица преступное деяние уже совершено, а при необходимой обороне посягательство должно быть наличным либо должна сохраняться угроза посягательства. Цели данных обстоятельств также различны: при необходимой обороне это предотвращение посягательства, а при задержании - передача преступника соответствующим органам. Отличием обозначенных обстоятельств также является то, что посягательство при задержании не направлено непосредственно на задерживаемое лицо, это может быть любое преступное деяние. При необходимой обороне посягательство, как правило, осуществляется против обороняющегося или его близких людей. В судебной практике встречаются такие случаи причинения вреда, где имеет место и цель задержания преступника, и цель предотвращения нападения при возникшей в процессе задержания угрозе. Это затрудняет отграничение задержания от крайней необходимости. Суды в данном случае обращают внимание на характер преступления и на то, имела ли место цель доставления лица в соответствующие органы.

Что касается крайней необходимости, то в данном случае лицо, причиняющее правомерный вред, как правило, предотвращает сформировавшуюся опасность наступления еще большего вреда. При необходимой обороне это, как правило, отражение или предотвращение потенциального нападения. Кроме того, вред при крайней необходимости может причиняться неограниченному кругу лиц, а при необходимой обороне важным условием является причинение вреда непосредственно самому посягающему. В рассмотренных примерах судебной практики, где имела место крайняя необходимость нападающее лицо отсутствовало, правомерный вред причинялся интересам государства или собственника имущества, вред носил имущественный характер, целью деяний было устранение опасности, которая могла привести к более серьезным последствиям, чем сам вред.

3.2 Проблемы выявления признаков превышения необходимой обороны

Одной из актуальных проблем реализации института необходимой обороны остается проблема выявления признаков превышения ее пределов. При применении института необходимой обороны следует исходить из учета установленных пределов ее правомерности. Однако четко урегулировать указанный вопрос не представляется возможным. Так, заранее определить те действия, которые являются правомерными и которые противоправными в рамках реализации рассматриваемого права затруднительно, поскольку складывающиеся фактические ситуации всегда будут отличаться по содержанию. Исследователи однозначно говорят о необходимости совершенствования необходимой обороны, предлагается, в частности, использовать институт присяжных в делах о превышении пределов [49, с. 289].

Одной из актуальных проблем правомерности необходимой обороны является установление такого условия, как наличие посягательства или сохраняющаяся угроза посягательства. Как уже было отмечено в работе, Постановление Пленума ВС РФ № 19 допускает причинение вреда в случае, если сохраняется угроза нападения. В свою очередь, иногда, объективно установить, сохраняется ли угроза посягательства, не представляется возможным. Жертва в момент посягательства, его угрозы имеет лишь секунды для оценки степени угрозы, ее наличия и принятия, исходя из этого соответствующих мер по обороне, защите. При этом следует учитывать, что складывающаяся ситуация имеет стрессовый характер, а потому под воздействием эмоций такое лицо будет исходить из принятия более действенных и жестких способов спасения. Не исключается в данном случае ошибка в правильности квалификации содеянного – наличия реальной или мнимой опасности.

Рассмотрим пример из судебной практики. «Во время распития спиртного гражданином В. и гражданином Р., между ними произошла ссора, в ходе которой гражданин Р. высказывал в адрес гражданина В. угрозы применения насилия (сказал, что зарежет). Гражданин Р. пошел на кухню и вернулся с ножом и нанес гражданину В. колото-резаное ранение грудной клетки. Гражданин В. утверждал, что поскольку удар Р. пришелся в область грудной клетки, он оценил его действие как посягательство на свою жизнь» [22] и пресекая это, причинил гражданину Р. тяжкий вред здоровью. И хотя, гражданин Р. утверждал, что он нанес только один удар ножом и более никаких действий в отношении В. совершать не собирался, но В. оценил обстановку таким образом, что посчитал, что угроза дальнейшего нападения все еще сохраняется [22].

Мог ли гражданин В. понять, что гражданин Р. больше не намерен на него посягать? Гражданин В. исходя из сложившейся ситуации, не мог знать продолжит ли гражданин Р. преступное посягательство, нанесет ли он ему удар. И суд оправдал гражданина В. в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.114 приведя следующие аргументы:

- у гражданина В. имелись достаточные основания полагать, что преступное посягательство продолжается, и оно сопряжено с опасностью для жизни;
- в момент событий гражданин В. сидел на диване, а гражданин Р. рядом с ним стоял. Поэтому стоящий человек перед сидящим человеком в определенной степени находится в преимущественном положении с точки зрения физического воздействия на человека;
- между нападением гражданина Р. и оборонительными действиями гражданина В. был маленький временной разрыв. Поэтому посягательство было наличным оборона была правомерной [22].

Однако в рамках другого аналогичного дела, где оборонительные действия также были совершены после фактического окончания посягательства, данные действия были квалифицированы, как превышение

пределов необходимой обороны. В рамках данного дела, лица распивали спиртные напитки в квартире одного из них. Между подсудимым и гражданином А. произошел конфликт, а результате которого, А. пошел на кухню и взял кухонный нож, которым нанес подсудимому несколько колото-резаных ран, затем вышел на балкон. Подсудимый также зашел на балкон, видя, что А. стоит к нему спиной, а лицом к открытому балконному окну, толкнул его, в результате чего А. выпал с балкона. После падения А. скончался. Подсудимый указал, что был вынужден обороняться, поскольку после причинения ему ран, А. высказывал угрозы, говорил, что добьет его, при этом не выпускал нож из рук. Это, по мнению, подсудимого, давало ему основание полагать, что угроза посягательства сохраняется. Суд указал, что то, что А. прекратил посягательство, не выпускал ножи из рук, что справедливо воспринималось подсудимым, как реальная угроза и опасное посягательство, однако пределы необходимой обороны были превышены. Об этом говорит выбранный способ обороны, который не соответствовал характеру посягательства. Суд указал, что подсудимый мог выбрать иной, менее опасный для потерпевшего способ обороны. Суд квалифицировал действия подсудимого, как убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны [33].

Два приведенных выше примера говорят о неоднозначности подхода судов к установлению наличности посягательства в случаях, когда фактически посягательство было завершено, но угроза его продолжения сохранялась. Как видно, закон оставляет оценку данного условия правомерности на усмотрение суда, что создает широкое пространство для субъективизма.

Одним из неоднозначных вопросов квалификации превышения пределов необходимой обороны являются вопросы допустимости мер защиты при проникновении нападающего лица в жилище, в частности, применение средств защиты для обеспечения неприкосновенности жилища. С одной стороны, ряд способов защиты жилья, таких как, например ультразвуковая сигнализация вместо обычной, электрическая проволока с током, капканы

могут расцениваться как не соответствующие принципам необходимой обороны и нарушающие правовые нормы. С другой стороны, необходимо учитывать конкретные обстоятельства посягательства на жилище, которые могут сделать применение таких средств вынужденным.

На сегодняшний день Постановление Пленума № 19 допускает применять для защиты жилища не запрещенные законом средства автоматического срабатывания, однако при решении вопроса о пределах необходимой обороны необходимо оценивать причиненный нападающему вред и потенциальный вред, который он намеревался причинить. Однако объективно оценить потенциальный вред, может быть невозможно. Посягающий может утверждать, что не намеревался осуществлять посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни, но так ли это было на самом деле, останется в его субъективной плоскости, поскольку он не смог пробраться в жилище из-за срабатывания специальных устройств.

Жилище, будучи местом, гарантирующим личную безопасность и неприкосновенность частной жизни, требует особой правовой защиты, поскольку вторжение в него само по себе создает крайне высокий уровень опасности. В свою очередь, как справедливо отмечают У.Н. Стеклова и С.Е. Костина, вторжение на территорию жилища «не может нести в себе «добрых» намерений со стороны посягающего. В судебной практике встречается много случаев, в которой вторжение на чужую территорию несет за собой не только нарушение конституционного права неприкосновенности жилища, но и в следствии возникает реальная угроза не только имуществу, но и жизни и здоровью, проживающих в нем лиц» [42, с. 401]. Однако вопрос о правомерности применения специальных средств защиты жилища остается достаточно дискуссионным.

Неоднократно предпринимались попытки узаконить применение любых способов защиты при проникновении в жилище. Очередная попытка была предпринята 17 февраля 2025 года, когда законопроект № 842496-8 был внесен на рассмотрение в Госдуму. Согласно данному проекту, «не являются

превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица при защите от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, при незаконном проникновении в жилище против воли проживающего в нем лица» [14].

В пояснительной записке к данному законопроекту справедливо указывается, что «нарушение неприкосновенности жилища зачастую связано с такими тяжкими преступлениями, как убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование, похищение человека. В то же время, при совершении преступлений, связанных с незаконным проникновением в жилище, граждане, проживающие в данном жилище, не имеют возможности объективно оценить степень опасности посягательства.

Выяснение же такой степени посягательства существенно увеличивает риск, которому подвергается обороняющийся, в том числе за счет повышения готовности посягающего к применению насилия при контакте с обороняющимся (подготовка оружия и т.п.), установления посягающим факта присутствия и места нахождения обороняющегося» [14].

Таким образом, можно отметить, что на сегодняшний день проблемы установления превышения пределов необходимой обороны остаются актуальными. Актуальной проблемой установления критериев превышения необходимой обороны является сложность объективной оценки сохранения угрозы продолжения посягательства, когда фактически оно было завершено, но посягавший оставался поблизости с обороняющимся. Анализ судебной практики говорит о разрозненности подходов судов к квалификации аналогичных действий в описанных ситуациях. В одном случае действия обороняющегося признаются необходимой обороной, в другом – квалифицируются, как превышение пределов.

Еще одним спорным и неоднозначным вопросом квалификации превышения пределов необходимой обороны являются критерии правомерности использования мер защиты при проникновении нападающего

лица в жилище, в частности, применение средств защиты для обеспечения неприкосновенности жилища. Неоднократные попытки узаконить причинение любого вреда при проникновении в жилище против воли собственника, говорят о сохраняющейся актуальности данной проблемы. Это подтверждается тем, что объективно оценить потенциальный вред посягательства может быть невозможно. Посягающий может утверждать, что не намеревался осуществлять посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни, но так ли это было на самом деле, останется в его субъективной плоскости, поскольку он не смог пробраться в жилище из-за срабатывания специальных устройств.

3.3 Ошибки квалификации необходимой обороны

Одной из судебных ошибок является несправедливая квалификация действий обороняющегося, как превышение пределов необходимой обороны ввиду того, что он обладал специальными навыками или умениями в боевых видах спорта (бокс, борьба, дзюдо и другие). В подобных случаях обороняющийся признается обладающим особыми навыками, что дает ему физическое преимущество перед нападающим. Однако данный подход представляется не корректным. Поскольку, если установлено общественно-опасное посягательство, его отражение с помощью любых средств и с использованием любых навыков должно признаваться правомерным. Закон не должен находиться на стороне нападавшего.

Причины квалификационных ошибок могут заключаться ввиду следующих обстоятельств:

- недостаточная компетентность правоприменителя;
- недостаточная четкость формулировок, используемых при регламентации необходимой обороны;
- дефекты расследования преступления, неучет всех обстоятельств дела.

Достаточно распространенной ошибкой квалификации является обвинительный уклон или завышенная квалификация, когда необходимая оборона квалифицируется как превышение пределов нивелирует полезность и значимость исследуемого института. Анализ судебной практики, статистических данных и научных источников говорят об обвинительном уклоне, когда деяние, преимущественно, квалифицируется, как превышение пределов необходимой обороны. Это приводит к ситуациям, когда в случае защиты своих прав лицо может быть признано виновным в совершении преступления и, соответственно, привлечено к уголовной ответственности. В частности, подобный подход встречается в делах, когда обороняющимся применяется оружие, а нападающим нет.

Рассмотрим следующий пример судебной практики. «Гражданка Ш. была осуждена по ч. 1 ст. 105 УК РФ за убийство своего сожителя А. Согласно приговору, с целью убийства она взяла в руки нож и нанесла им удар А. в область сердца. В совершенном деянии Ш. призналась, но пояснила, что умысла на убийство А. у нее не было, а удар ножом нанесла, обороняясь от действий А., который повел себя агрессивно, стал ее избивать. В этот момент, обороняясь ножом она машинально нанесла удар А. Прокурор в кассационном представлении поставил вопрос о признании в действиях Ш. превышения пределов необходимой обороны, так как Ш., правомерно обороняясь, причинила А. вред, несоизмеримый угрожавшей ей опасности. Судебная коллегия оценила показания Ш. как достоверные и сделала вывод, что Ш. нанесла А. ножевое ранение, находясь в состоянии обороны. Однако использование для защиты ножа, свидетельствует о явном превышении пределов необходимой обороны, поэтому ее действия были квалифицированы как убийство при превышении пределов необходимой обороны по ч. 1 ст. 108 УК РФ» [34].

Как видно, в данном примере вывод о превышении пределов необходимой обороны был сделан на основании того, что обороняющееся лицо применило нож, а у нападающего какие-либо орудия отсутствовали.

Однако суд не учел физическое превосходство нападающего, поскольку Ш. являлась женщиной, а А. – мужчиной. Их физические данные нельзя назвать равноценными. В свою очередь, это имеет серьезное значение для правильной квалификации, поскольку без использования ножа обороняющаяся едва ли смогла бы остановить нападение.

В другом деле, имело место нападение сожителя, находящегося в состоянии наркотического опьянения на сожительницу с ножом в руке. Нападавший высказывал угрозы в адрес сожительницы, размахивал перед ней ножом. Последняя оттолкнула его, нож вылетел из рук нападавшего, и обороняющаяся схватила оружие и нанесла несколько ножевых ранений нападавшему, которые привели к его смерти. Суд первой инстанции квалифицировал действия обороняющейся, как убийство. Однако суд апелляционной инстанции указал на ошибки, отметив, что не было проверено наличие в действиях подсудимой необходимой обороны. Апелляционный суд отменил приговор суда первой инстанции и направил дело на новое рассмотрение [5].

Из анализа статистики по статье 108 УК РФ за последние три года можно сделать вывод, что количество осуждённых по части 1 данной статьи варьируется, но в целом имеет тенденцию к снижению числа оправданных (с 3 человек в 2023 году до 0 в 2022 году). По части 2 статьи 108 УК РФ осуждённые есть только в 2023 году, при этом оправданных нет ни в один из рассматриваемых годов. Общее количество осуждённых по статье 108 УК РФ за 2022 и 2023 годы выше, чем за 2024 год, что может свидетельствовать о снижении числа подобных случаев или об изменении подходов к их квалификации [44].

Из анализа статистики по статье 114 УК РФ за последние три года можно сделать вывод, что по части 1 ст.114 есть тенденция к снижению осужденных (с 416 человек в 2022 году до 341 человека в 2024 году) [44].

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2023 год, по части 1 статьи 108 УК РФ (убийство при превышении пределов

необходимой обороны) судами было осуждено 248 лиц, оправдан только один человек. В отношении 24 лиц уголовные дела по этой статье были прекращены. По части 1 статьи 114 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны) осуждены 412 человек, никто не был оправдан. В отношении 349 лиц уголовные дела по этой статье были прекращены [44].

Следующей ошибкой, которую допускают суды при квалификации необходимой обороны – это не учет времени, места и обстановки посягательства, которые в определенных условиях играют решающую роль для оценки опасности посягательства. Рассмотрим пример из судебной практики. Ситуация произошла в бильярдном клубе. Гражданин С. сделал замечание потерпевшему гражданину К. и другому человеку по поводу того, что они ведут себя оскорбительно в общественном месте и нарушают общественный порядок. В следствии этого гражданин К. начал оскорблять непосредственно самого гражданина С., и вместе с гражданином Ж. направился к гражданину С. При этом гражданин Ж. держал в руке стеклянный графин. Гражданин С. стал удаляться от приближающихся лиц. Однако указанные граждане в ускоренном темпе продолжили надвигаться на гражданина С. Когда они подошли близко к гражданину С., тот нанес удар бильярдным кием по голове потерпевшего гражданина К. В результате удара потерпевшему был причинен тяжкий вред здоровью.

В первой инстанции гражданин С. был осуждён за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по ч.1 ст.114 УК РФ при превышении пределов необходимой обороны. Судом было указано, что гражданин С. избрал способ обороны, который явно несоразмерен нападению.

Апелляционная инстанция указала на «ошибочный подход суда первой инстанции, отметив, что не было принято во внимание, что гражданин С. в момент нападения находился в состоянии эмоционального напряжения, обусловленного поведением потерпевшего, испытывал переживания, страх, опасения, опасения за свою безопасность, чувство растерянности, что снижало

возможность прогноза возможных последствий его действий» [31]. Гражданин С. не мог адекватно оценить характер посягательства, а также момент его возможного окончания. И в итоге суд оправдал гражданина С., приведя следующие аргументы: суд первой инстанции не принимает во внимание время, место, остановку и способ посягательств, которые предшествовали событию: обороняющийся увидел надвигавшихся на него двух взрослых мужчин, один из которых со стеклянным графином в руке, а второй агрессивен, что послужило поводом для обороны [31].

Еще одной серьезной ошибкой квалификации является то, что суды, в ряде случаев, при квалификации деяния, как превышения пределов необходимой обороны, ссылаются на то, что обороняющееся лицо могло спастись бегством или попытаться иным образом укрыться от посягающего лица, не прибегая к причинению ему вреда.

В рамках одного из дел суд квалифицировал действия обороняющегося лица, как превышение необходимой обороны, поскольку по мнению суда, обороняющаяся могла покинуть квартиру во время посягательства, обратиться за помощью к соседям, попытаться укрыться в другом месте. Между обороняющейся и нападающим, которые были сожителями, произошел конфликт, в ходе которого последний стал наносить обороняющейся удары руками по лицу, голове и туловищу, тянул ее за волосы. Для защиты от посягательства обороняющаяся взяла кухонный нож и нанесла сожителю один удар в грудь, в результате чего был причинен тяжкий вред здоровью. Суд указал, что имели место противоправные действия потерпевшего, который хватал свою сожительницу за руки, таскал за волосы, бил по лицу, голове, не реагируя на уговоры и сопротивление. Однако у обороняющейся была возможность покинуть квартиру, которой она не воспользовалась, а прибегла к защите с помощью ножа [35].

Д.А. Дорогин приводит похожий пример из судебной практики, когда «К. была осуждена за убийство при превышении пределов необходимой обороны по ч. 1 ст. 108 УК РФ. Одним из условий, в силу которого К. была

признана виновной, являлось то обстоятельство, что она, имея возможность оставить место происшествия бегством, не сделала этого и нанесла С. удар ножом. Вышестоящая судебная инстанция признала данный вывод ошибочным и прекратила дело за отсутствием состава преступления» [13, с. 24].

Исследователями справедливо подчеркивается, что подобные выводы суда не основаны на законе; пределы необходимой обороны определяются соответствием действий обороняющегося характеру посягательства и не могут зависеть от возможности избежать такового [13, с. 25].

Таким образом можно отметить, что в судебной практике достаточно часто встречаются ошибки квалификации необходимой обороны. Анализ судебной практики, статистических данных и научных источников говорят об обвинительном уклоне или завышенной квалификации необходимой обороны, когда деяние, преимущественно, квалифицируется, как превышение пределов. Судебная практика сформировала подход, когда превышением необходимой обороны признается применение оружия обороняющимся в то время, когда оно не использовалось посягающим лицом. Это характерно даже для случаев, когда обороняющейся была женщина, а посягающим – мужчина. Такой подход не учитывает физического превосходства посягающего и тот факт, что без использования оружия, нападение нельзя было пресечь.

Одной из судебных ошибок является несправедливая квалификация действий обороняющегося ввиду того, что он обладал специальными навыками или умениями в боевых видах спорта. Другой ошибкой, которую допускают суды при квалификации необходимой обороны является не учет времени, места и обстановки посягательства, которые в определенных условиях играют решающую роль для оценки опасности посягательства.

Еще одной серьезной ошибкой квалификации является то, что суды, в ряде случаев, при квалификации деяния, как превышения пределов необходимой обороны, ссылаются на то, что обороняющееся лицо могло спастись бегством или попытаться иным образом укрыться от посягающего

лица, не прибегая к причинению ему вреда. В свою очередь, пределы правомерности необходимой обороны не могут зависеть от возможности избежать посягательства.

На основании вышеизложенного можно отметить, что ошибки квалификации, неоднозначный подход судов к одним и тем же обстоятельствам основываются на том, что законодательство не закрепляет подробных точных критериев установления необходимой обороны, создавая слишком широкое пространство для судебного усмотрения. В этой связи необходимым представляется формирование более четкого подхода законодателя к установлению критериев правомерности необходимой обороны, указание на необходимость более внимательного исследования обстановки происшествия и эмоционального состояния обороняющегося, а также закрепление недопустимости рассмотрения возможности спасения бегством как основания для квалификации деяния, как превышения пределов необходимой обороны.

Заключение

Постепенно в отечественном уголовном законодательстве оформлялось и совершенствовалось важнейшее право человека - право на необходимую оборону. Необходимая оборона зародилась еще в древнем праве, пройдя долгую, многовековую историю, она признавалась то обстоятельством, исключающим преступность деяния, то обстоятельством, исключающим противоправность. Нормы уголовного права, содержащие нормы о необходимой обороне в каждый период своего существования отражали интересы и потребности общества того или иного времени. Расширялись и трансформировались объекты правомерной защиты. Так, в УК РСФСР 1922 и 1926 годов в объекты защиты была включена советская власть. Понятие необходимой обороны также трансформировалось. Первоначально, определение понятия данного правового института в современном его понимании было закреплено в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, далее оно совершенствовалось, но претерпело негативные изменения с принятием первых уголовных законов советского государства. Однако, в последствии, недостатки правового регулирования были ликвидированы и в УК РСФСР 1960 года было сформировано полноценное определение понятия необходимой обороны, которое признавалось обстоятельством, исключающим преступность деяния.

В современной правовой науке необходимая оборона определяется по-разному: и как правовой институт, и как правомерная, защита, и как субъективное право, и даже как деятельность, направленная на причинение вреда. Принимая во внимание имеющиеся в доктрине определения необходимой обороны, можно отметить, что главные ее особенности авторы видят в том, что она, так или иначе, выражается в причинении вреда нападающему лицу для осуществления защиты от общественно-опасного посягательства. Думается, что наиболее корректно рассматривать необходимую оборону, как обстоятельство, исключающее преступность

деяния или как правомерное причинение вреда посягающему лицу при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства при соблюдении установленных законом условий правомерности.

Сущность необходимой обороны можно определить, как то, что она является обстоятельством, исключающим преступность деяния и субъективным правом лица на защиту. Несогласие вызывают подходы к определению сущности необходимой обороны, как поощряемого правом явления, поскольку закон не поощряет причинение вреда, хотя и правомерного, но допускает его причинение при обоснованной необходимости.

В зарубежном законодательстве содержание и критерии правомерности необходимой обороны различны. Во Франции необходимая оборона называется правомерной защитой и относится к обстоятельствам, исключающим уголовную ответственность. Критериями ее правомерности выступают наличие посягательства и соразмерность средств и способов защиты.

В уголовном праве Германии положительным моментом правового регулирования необходимой обороны можно назвать обязательность учета физических качеств нападающего и обороняющегося. Если устанавливается, что средства защиты были чрезмерными, однако имело место физическое превосходство нападавшего, то такое деяние будет признано правомерной защитой. Думается, такой подход законодателя достаточно оправдан, поскольку физическое превосходство справедливо должно учитываться при оценке используемых для обороны средств и способов.

Что касается правового регулирования необходимой обороны в США, то необходимо отметить, что для США характерна некоторая разрозненность норм, регулирующих институт необходимой обороны, в зависимости от штата. Наиболее общей чертой для норм, регламентирующих указанный институт, является перечневая система, когда в законе перечисляются случаи

допустимости применения самозащиты. При этом, в одних штатах данные случаи описываются достаточно подробно, в других - ограничивается непосредственно указанием самого случая. Кроме того, прослеживается существенная разница в объеме правомочий обороняющегося в различных штатах. Что же касается, применения так называемой смертельной силы, то подобные случаи практически во всех штатах достаточно четко и подробно описаны в уголовном законодательстве.

Условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к посягательству, принято определять следующим образом: наличие, общественная опасность и действительность посягательства. Наличие выражается в наличии начавшегося посягательства, но еще не оконченного либо в наличии реальной угрозы, очевидной для обороняющегося. Общественная опасность посягательства выражается в том, что совершаемое деяние должно быть предусмотрено Особенной частью УК РФ, то есть должно являться преступлением. Действительность посягательства должна выражаться в том, что посягательство является реальным, а не мнимым. Однако указанные условия в современной доктрине получают неоднозначную оценку. Наличие посягательства не ограничивается только временными рамками самого нападения, а может касаться и длящегося посягательства, а также создавшейся угрозы посягательства. Общественная опасность характерна не только для преступлений, однако Постановление пленума ВС РФ № 19 говорит о том, что в контексте необходимой обороны речь идет о деяниях, предусмотренных УК РФ, что создает теоретическую неоднозначность. Действительность посягательства также достаточно сложно может быть оценить ввиду напряженной обстановки и стрессового состояния обороняющегося лица.

При установлении данных условий правомерности, суды учитывают следующие обстоятельства: имело ли место общественно-опасное посягательство, от которого защищался обороняющийся; способ физического воздействия на обороняющегося; наличие возможности у обороняющегося

позвать на помощь; имели ли место высказанные угрозы причинения насилия, опасного для жизни обороняющегося.

Принято выделять четыре условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к защите – это допустимость причинения вреда только посягающему лицу; допустимость защиты только законных прав и интересов; соразмерность защиты. В доктрине еще выделяют такое условие, как своевременность защиты. Наибольшую сложность в реализации вызывает оценка соразмерности. При установлении данного признака суды учитывают такие обстоятельства, как: способ физического воздействия на обороняющегося; количественное и качественное превосходство нападающих. При оценке соразмерности в случае, когда при нападении и в рамках необходимой обороны обе стороны использовали оружие, то соразмерность вреда оценивалась судами исходя из количества произведенных выстрелов. В случаях, когда нападающий имел при себе оружие, угрожал им, высказывал угрозы убийством, ответные действия обороняющегося, который завладевал, в ходе драки этим оружием, признавались судами необходимой обороной.

Необходимая оборона отличается от иных деяний, исключаящих преступность. Сложности могут возникнуть при отграничении необходимой обороны от причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление и крайней необходимости. Что касается первого обстоятельства, то главным отличием является то, что при задержании лица преступное деяние уже совершено, а при необходимой обороне посягательство должно быть наличным либо должна сохраняться угроза посягательства. При необходимой обороне посягательство, как правило, осуществляется против обороняющегося или его близких людей. В судебной практике встречаются такие случаи причинения вреда, где имеет место и цель задержания преступника, и цель предотвращения нападения при возникшей в процессе задержания угрозе. Это затрудняет отграничение задержания от крайней необходимости. Суды в данном случае обращают внимание на характер

преступления и на то, имела ли место цель доставления лица в соответствующие органы.

Что касается крайней необходимости, то в данном случае лицо, причиняющее правомерный вред, как правило, предотвращает сформировавшуюся опасность наступления еще большего вреда. При необходимой обороне это, как правило, отражение или предотвращение потенциального нападения. Кроме того, вред при крайней необходимости может причиняться неограниченному кругу лиц, а при необходимой обороне важным условием является причинение вреда непосредственно самому посягающему. В рассмотренных примерах судебной практики, где имела место крайняя необходимость нападающее лицо отсутствовало, правомерный вред причинялся интересам государства или собственника имущества, вред носил имущественный характер, целью деяний было устранение опасности, которая могла привести к более серьезным последствиям, чем сам вред.

На сегодняшний день проблемы установления превышения пределов необходимой обороны остаются актуальными. Актуальной проблемой установления критериев превышения необходимой обороны является сложность объективной оценки сохранения угрозы продолжения посягательства, когда фактически оно было завершено, но посягавший оставался поблизости с обороняющимся. Анализ судебной практики говорит о разрозненности подходов судов к квалификации аналогичных действий в описанных ситуациях. В одном случае действия обороняющегося признаются необходимой обороной, в другом – квалифицируются, как превышение пределов.

Еще одним спорным и неоднозначным вопросом квалификации превышения пределов необходимой обороны являются критерии правомерности использования мер защиты при проникновении нападающего лица в жилище, в частности, применение средств защиты для обеспечения неприкосновенности жилища. Неоднократные попытки узаконить причинение любого вреда при проникновении в жилище против воли собственника,

говорят о сохраняющейся актуальности данной проблемы. Это подтверждается тем, что объективно оценить потенциальный вред посягательства может быть невозможно. Посягающий может утверждать, что не намеревался осуществлять посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни, но так ли это было на самом деле, останется в его субъективной плоскости, поскольку он не смог пробраться в жилище из-за срабатывания специальных устройств.

В судебной практике достаточно часто встречаются ошибки квалификации необходимой обороны. Анализ судебной практики, статистических данных и научных источников говорят об обвинительном уклоне или завышенной квалификации необходимой обороны, когда деяние, преимущественно, квалифицируется, как превышение пределов. Судебная практика сформировала подход, когда превышением необходимой обороны признается применение оружия обороняющимся в то время, когда оно не использовалось посягающим лицом. Это характерно даже для случаев, когда обороняющейся была женщина, а посягающим – мужчина. Такой подход не учитывает физического превосходства посягающего и тот факт, что без использования оружия, нападение нельзя было пресечь.

Одной из судебных ошибок является несправедливая квалификация действий обороняющегося ввиду того, что он обладал специальными навыками или умениями в боевых видах спорта. Другой ошибкой, которую допускают суды при квалификации необходимой обороны является не учет времени, места и обстановки посягательства, которые в определенных условиях играют решающую роль для оценки опасности посягательства.

Еще одной серьезной ошибкой квалификации является то, что суды, в ряде случаев, при квалификации деяния, как превышения пределов необходимой обороны, ссылаются на то, что обороняющееся лицо могло спастись бегством или попытаться иным образом укрыться от посягающего лица, не прибегая к причинению ему вреда. В свою очередь, пределы

правомерности необходимой обороны не могут зависеть от возможности избежать посягательства.

На основании вышеизложенного можно отметить, что ошибки квалификации, неоднозначный подход судов к одним и тем же обстоятельствам основываются на том, что законодательство не закрепляет подробных точных критериев установления необходимой обороны, создавая слишком широкое пространство для судебного усмотрения.

В этой связи необходимым представляется формирование более четкого подхода законодателя к установлению критериев правомерности необходимой обороны, указание на необходимость более внимательного исследования обстановки происшествия и эмоционального состояния обороняющегося, а также закрепление недопустимости рассмотрения возможности спасения бегством как основания для квалификации деяния, как превышения пределов необходимой обороны.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Акимов П.А. Анализ института необходимой обороны в уголовном праве России и зарубежных стран // Молодежь, наука и цивилизация: Материалы международной студенческой научной конференции. Красноярск. 19 мая 2022 года / Отв. редактор Н.Н. Цуканов. Том Выпуск 24. Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2022. С. 312-314.

2. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 42-АПУ20-1 от 29.01.2020 по делу № 42-АПУ20-1. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=617835#bqYaLpUZMRmbG05P/> (дата обращения: 12.11.2024).

3. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.08.2016 № 49-АПУ16-10сп. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=472611&cacheid=E01F299C79711E744D221AAA61AB6F6D&mode=splus&rnd=z3uQKg#8HbOcpUHhi0INER7> / (дата обращения: 12.11.2024).

4. Апелляционное определение № 10-6422/2016 от 12 мая 2016 года по делу № 10-6422/2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/thematics/28046/> (дата обращения: 25.06.2025).

5. Апелляционное определение Московского городского суда № 10-24976/2022 от 12 декабря 2022 года по делу № 10-24976/2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/af7475d0-6a4b-11ed-8f1e-5f0ff5942bd4/> (дата обращения: 30.06.2025).

6. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 09.02.2017 № 34-АПУ17-1сп. [Электронный ресурс].

URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=492415&cacheid=67502F28DCE8E7DBBB8BFD543235AAFE&mode=splus&rnd=z3uQKg#jWyOcpU6zCLZsfC7> / (дата обращения: 12.11.2024).

7. Апелляционное постановление № 22-8028/2017 от 14 декабря 2017 года по делу № 22-8028/2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/thematics/28046/> (дата обращения: 27.06.2025).

8. Борзых Е.П., Ефремов Д.А. Сравнение норм уголовного права о необходимой обороне в российской Федерации и зарубежных странах // Всероссийские научные чтения – 2024: сборник статей V Всероссийской научно-практической конференции, Петрозаводск, 11 декабря 2024 года. Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.). 2024. С. 123-128.

9. Вахрушева К.В. Институт необходимой обороны в уголовном праве зарубежных стран // Молодой ученый. 2021. № 23 (365). С. 172-174.

10. Гарбатович Д.А. Необходимая оборона (самозащита) как непреступное деяние в международном уголовном праве // Международное публичное и частное право. 2018. № 6. С. 13-15.

11. Гуляев В.В. Институт необходимой обороны в российском уголовном праве // Форум молодых ученых. 2021. № 10 (62). С. 47-50.

12. Дмитриенко А.П. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния, в уголовном праве Российской Федерации. М.: Норма. 2018. 129 с.

13. Дорогин Д.А. Квалификационные ошибки в установлении условий правомерности необходимой обороны // Уголовное право. 2020. № 1. С. 22-31.

14. Законопроект № 842496-8 «О внесении изменений в ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/842496-8#bh_note/ (дата обращения: 29.06.2025).

15. Кадников П. О. История необходимой обороны в российском праве // Вестник науки. 2025. Т. 1. № 5 (86). С. 187-197.

16. Климанов А.М. Некоторые вопросы уголовно-правовой характеристики необходимой обороны // Символ науки. 2017. № 3. С. 196-200.

17. Кожухарик Д.Н., Савин П.Т. Понятие, признаки и условия необходимой обороны // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 1 (19). С. 85-89.

18. Кочиев Д.Н. Понятие, признаки и социальная сущность необходимой обороны, как обстоятельства, исключающего преступность деяния // Поколение будущего: взгляд молодых ученых – 2020: сборник научных статей 9-й Международной молодежной научной конференции, Курск: Юго-Западный государственный университет. 2020. С. 367-371.

19. Лебедев В.М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный). М. : Юрайт, 2017. Т. 1: Общая часть. 316 с.

20. Максуров А.А. О совершенствовании понятия «необходимая оборона» как межотраслевого юридического института // Парижский университет Сорбонна. 2019. № 8. С. 22-24.

21. Минин Р.В., Косарева С.Р. История становления и развития института необходимой обороны в уголовном праве России // Молодой ученый. 2022. № 47. С. 255-258.

22. Определение Засвияжского районного суда города Ульяновска от 26 апреля 2018 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uloblsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=73883> (дата обращения: 29.06.2025).

23. Орешкина Т.Ю. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Учебное пособие. М: Проспект. 2016. 112 с.

24. Осипова А.Д. Проблемы разграничения понятий необходимой обороны и превышение пределов необходимой обороны // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития: материалы III Всероссийской молодёжной научно-практической конференции. Москва : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. 2020. С. 189-192.

25. Паркшеян В.И. Проблемные аспекты разграничения необходимой обороны и крайней необходимости // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 2-2 (41). С. 151-153.

26. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (ред. от 25.08.1924) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) [Электронный ресурс]: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3006#cwLTrOUwv6WRhxFc2/> (дата обращения: 22.06.2025).

27. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 27.04.1959) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.). [Электронный ресурс]: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3274#ftgTrOUmc8D2wulI/> (дата обращения: 22.06.2025).

28. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (ред. от 31.05.2022) // Российская газета. № 227. 03.10.2012.

29. Постановление Грязовецкого районного суда Вологодской области № 56-УД17-7 от 2017 года по делу № 56-УД17-7. [Электронный ресурс]. URL: https://griazovecky.vld.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud/ (дата обращения: 19.06.2025).

30. Постановление президиума Московского городского суда № 44у-61/2017 от 11 апреля 2017 года по уголовному делу № 44у-61/2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/thematics/28046/> (дата обращения: 27.06.2025).

31. Постановление Кунцевского районного суда города Москвы от 20 сентября 2017 года [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6FqL5FR6kFJp/> (дата обращения 30.06.2025)/ (дата обращения: 27.06.2025).

32. Приговор Усть-Илимского городского суда Иркутской области № 22-УД17-18 от 2018 года по делу № 22-УД17-18 [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_38/massmedia/news?item=34693715/ (дата обращения: 19.06.2025).

33. Приговор Останкинского районного суда города Москвы № 01-0402/2020 от 20 октября 2020 года по делу № 01-0402/2020 [Электронный ресурс] URL: <https://mosgorsud.ru/rs/ostankinskij/services/cases/criminal/details/b6a156e4-3a72-46b5-9e75-20cfce69347f/> (дата обращения: 27.06.2025).

34. Приговор Ребрихинского районного суда Алтайского Края № 1-63/2020 от 14 октября 2020 г. по делу № 1-63/2020. [Электронный ресурс], URL: <https://sudact.ru/>. (дата обращения: 13.06.2025).

35. Приговор Люблинского районного суда города Москвы № 1-452-2019-17 от 09 августа 2019 года по делу № 1-452-2019-17 [Электронный ресурс] URL: <https://mosgorsud.ru/rs/lyublinskij/services/cases/criminal/details/ee f220ae-ea03-4abb-8bc0-267fdd50e333/> (дата обращения: 30.06.2025).

36. Приговор Брянского областного суда от 21 февраля 2024 года по делу № 1-152/2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1L6d7sKF2SNg/> (дата обращения: 13.11.2024).

37. Прохорко Т.Н. Институт необходимой обороны в современном уголовном законодательстве: понятие, правовая природа, основные элементы // Высокие технологии и инновации в науке: Сборник статей международной научной конференции. Санкт-Петербург : Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ». 2024. С. 64-69.

38. Прохорко Т.Н. Условия правомерности необходимой обороны и отграничение ее от иных обстоятельств, исключаящих преступные деяния // Высокие технологии и инновации в науке: Сборник статей I международной научной конференции, Санкт-Петербург, 10 января 2024 года. Санкт-Петербург : Частное научно-образовательное учреждение дополнительного

профессионального образования Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ». 2024. С. 73-77.

39. Псковская судная грамота 1467 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/psg/> (дата обращения: 21.06.2025).

40. Свирин Д.А. К вопросу о понятии необходимой обороны и её социально-правовой природе // Евразийская адвокатура. 2020. № 1 (44). С. 75-78.

41. Смирнов А.М., Спасенников Б.А. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния. М. : Юнити-Дата. 2018. 168 с.

42. Стеклова У.Н., Костина С.Е. Проблематика вопроса превышения пределов необходимой обороны // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов: Сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции. Москва. 23 декабря 2022 года. Санкт-Петербург : Печатный цех. 2022. С. 399-404.

43. Стефанков С.Д., Лухнева М.Я. Понятие, значение, правовая природа института необходимой обороны в современном уголовном законодательстве // Наука третьего тысячелетия: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. Нефтекамск: Научно-издательский центр Мир науки. 2020. С. 653-660.

44. Судебная статистика РФ. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК. [Электронный ресурс], URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17/> (дата обращения: 26.06.2025).

45. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. ст. 2954.

46. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

47. Уздимаева Н.И. История правовой самозащиты в России // Социально-политические науки. 2011. № 1. С. 50-53.

48. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845/> (дата обращения: 21.06.2025).

49. Шамне А.Н. Некоторые дискуссионные проблемы института необходимой обороны // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 2. С. 288-291.

50. Шаяхметов Т.Р. Некоторые аспекты развития и применения института необходимой обороны в Соединенных штатах Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 1 (56). С. 46-52.